

Доказательства СУТИ

ИСТОРИЯ
ЖЕНСКОЙ
СУДЬБЫ

Анна Наумова

Анна Наумова
Доказательства сути

«Первухина Надежда»

2021

Наумова А.

Доказательства сути / А. Наумова — «Первухина Надежда», 2021

Роман основан на почти реальных событиях. Писательница фэнтези Ника Перовская в одночасье терпит жестокие удары судьбы: издательство отказывается печатать ее роман, тяжело заболевает и умирает муж, близкие окатывают равнодушием. И Ника решается на первую в жизни дальнюю поездку – на поезде, через всю Россию, к подруге и новому бытию. На станции Ковылкино Ника отстаёт от поезда – удар! Пытается на машине доехать до цели и попадает в автокатастрофу – еще удар! К жизни ее возвращают люди, о существовании которых в сердцевине таежной глуши не знает цивилизованный мир. Это очередной удар судьбы? Или подарок? Какой станет Ника, изменится ли ее душевный настрой, или она сумеет сохранить в себе то, что является доказательством ее сути? Рекомендуется к прочтению женщинам серьезного возраста, оказавшимся в сложных жизненных обстоятельствах и все же верящим в свой успех!

© Наумова А., 2021

© Первухина Надежда, 2021

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	17
Глава четвертая	26
Глава пятая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Анна Наумова

Доказательства сути

Памяти Жама

*Во всем мне хочется дойти
До самой сути.*

Борис Пастернак

*If the doors of perception were cleansed
every thing would appear to man as it is, Infinite.
For man has closed himself up,
till he sees all things thro' narrow chinks of his cavern.*

William Blake. A memorable fancy.¹

*But I have promises to keep,
And miles to go I sleep,
And miles to go I sleep.*

Robert Frost. Stopping by Woods on a Snowy Evening.²

Глава первая

Разрушенные мосты

Итак, это случилось.

И небеса не разверзлись, проливая огонь и серу на *ego* многомудрую лысеющую голову. И вряд ли *ego* офис, тот, что на Ленинградском шоссе, окутала египетская тьма, полная смертоносного дыхания ветхозаветной пустыни. Также сомнительно, что дома *ego* ожидают полчища жаб и тучи ядовитой мошки. Для *него* это не впервые, *он* этим занимается чуть ли не ежедневно.

А для нее это было в первый раз. Хотя этого можно было ожидать, ведь с дамами ее деликатной профессии ни в чем нельзя быть уверенной!

И, черт возьми, все равно ей стало очень больно!

Почему? А вы поставьте себя на ее место! Десять лет она мирно писала романы в стиле дурачко-жизнерадостной фэнтези, благополучно печаталась, получала гонорары, вдохновенно их тратила и с чувством глубокого морального удовлетворения читала о себе гадости в Интернете. Двадцать четыре опубликованные книжки плюс переиздания – это приятно грело ее самолюбие и давало пищу для размышлений немногочисленным поклонникам и противникам тоже. Наивно надеясь, что и дальше всё в жизни будет так же гладко, она написала двадцать пятый роман и отправила его в издательство.

Этот роман дался ей непросто, и поэтому всегдашней жизнерадостности в нем не имелось вовсе – она разрывалась между работой, писательством и онкологической больницей, куда нужно было сопровождать мужа на сеансы химиотерапии. Собственно, роман писался для того, чтобы выплатить долг издательству, – на лечение требовались деньги, а откуда ей, библиотекарше со стажем, взять их, не с неба же падают набитые купюрами чемоданы?..

Она отправила роман и наивно подумала – ну вот, жизнь налаживается, вроде и химия мужу помогает, он улыбается, стал спать по ночам без трамадола и реланиума... И договор подписан, и вот уже прислали корректуру на правку, значит, скоро книге быть...

А в очередной день, после того, как она привела обессиленного мужа из онкодиспансера (почему-то в стационар его не брали, просто кололи цистоплатину и отправляли домой), при-

шло проверить почту и наткнуться на письмо главного редактора. «К сожалению, роман мы публиковать не будем», и всё, без комментариев. И бессловесная пустота образовалась в душе. Как будто бежала, бежала и – лбом об стену со всего маху. Тривиально, но факт.

Стало тошно вовсе не потому, что она считала свой опус шедевром. Наверно, это сработало запоздалое осознание поговорки «Пришла одна беда – отворишь семи ворота». Не хотелось дознаваться – отчего редактор поменял мнение, отчего всё *настолько* неисправимо. И сил стало хватать только на то, чтобы менять белье мужу, делать ему уколы, готовить протертые супы (ничего другого он не мог проглотить из-за разросшейся в гортани опухоли) и ходить на работу как идут на публичную казнь – при полном параде и с гордой улыбкой победительницы.

Побеждать приходилось всё – бессонные ночи, когда муж ревел от боли и поминутно сплевывал в полотенца сгустки сожженной химией плоти, мутные утра со снежным месивом под ногами, толчеей в автобусе, сочувственными взглядами коллег (от сочувствия почему-то хотелось бежать куда глаза глядят), дни, до краев наполненные ужасом, который нужно прятать в себе, не дать вырваться звериным воплем «Помогите же мне кто-нибудь!», потому что помогать – так, как она хочет, – некому и невозможно. И этот вопль, скрученный в тугую пружину, превращался в ее истинное «я», мешал дышать, заставлял улыбаться криво и секундно, не ослабевал ни на минуту даже во сне, хотя какой уж тут сон...

Сережа уже не мог говорить и даже хрипеть – он писал записки, в которых тоже стоял ужас перед смертью, пристально и умиротворяюще засматривающей в лицо. В считанные дни он сторал, исчерпав все силы, и лечащий врач в онкодиспансере сказала ей с фальшивым сочувствием: «Потерпите месяц». Пришлось вызвать свекра – чтоб помогал дежурить у постели, поднимать и переворачивать Сережу... Свекровь не приехала, наверно, не решилась увидеть сына таким – обезумевшим от боли и лекарств, воющим сгустком страдающего мяса.

Было Вербное воскресенье, апрель, пронизанный солнечными копьями, теплый ветер и распахнутое небо. Она хотела с утра сходить в монастырскую церковь рядом с домом, но не смогла – не было в душе ничего, кроме отчаяния, ничего, хоть отдаленно напоминающего молитву. Она сидела рядом с постелью Сережи, смотрела, как он мечется в агонии, сдергивая с себя простыни, и натягивала их вновь, потому что муж начинал дрожать как в лихорадке. Сухой и хрустящий звук, вырывавшийся из его груди с каждым вдохом и выдохом, был так страшен, что она до крови прокусывала себе губу, чтоб не закричать. Глаза Сережи были закрыты, он бессмысленно водил руками по постели, по обтянутым кожей ребрам, а потом поднимал их вверх, тянулся к кому-то невидимому... Она брала его руки в свои и слушала страшный, беспомысленный и жалкий шепот: «Мама, мамочка!» Она разделилась – одна принимала в себя ужас страдания и умирания Сережи, а другая словно уподобилась камере наблюдения, четко, равнодушно и жестко отмечающей детали времени вокруг. Вот монастырский колокол ударил к вечеру, вот стукнула форточка от порыва ветра и впустила воздух в зловонную комнату, вот отец включил телевизор, и ржавым шурупом ввинтилась в мозг реклама очередного пищевого счастья, вот собака во дворе залаяла – это свекор приехал (или, наоборот, уходит, она не уловила)... К постели подбежал Жам, пёсик со статусом сына, глянул пучеглазо и заскулил.

– Гулять хочешь? – отрешенно спросила она и погладила пёсика. – Прости, не погуляла сегодня с тобой, Сережка наш умирает...

И затряслась в бесслезном плаче, закачалась взад-вперед припадочной кликушей, обхватив себя руками.

Сережа вдруг дернулся, повернулся набок и уткнул лицо в край постели, а потом затих и словно уменьшился. *Умалился*, вот точное старинное слово.

– Сережа, – позвала она него, прошептала: – Ты всё, да, *всё*?

Больше не было слышно свиста и хрипа его дыхания, но она не верила, что это кончилось вот так: незначительно, мелко, приземленно, на уровне уборки и стирки, без высоких слов, благословений, прощаний и напутствий. Жам мелко задрожал. Она встала и осторожно косну-

лась плеча мужа, оно было теплым; его рука мягко упала на простыни. Она повернула Сережу на спину и, глянув ему в лицо, тихо вскрикнула – это было лицо ребенка, маленького мальчика, невинного, счастливого и беспечного, только что попавшего в парк аттракционов, где вечно крутятся карусели, стреляет тир и всем бесплатно раздают мороженое... Сережа был так тих и светел, так покойно смыкались его обметанные губы, так мирно спали на темных подглазьях ресницы и мягок абрис скул, что не было сомненья в его смерти.

– Сереж, – проговорила она, имя стало горьким на языке, как таблетка amitriptилина. – Ты меня слышишь?

Конечно, он слышал ее, ведь он наверняка стоял рядом со своим измученным телом и невидимо улыбался, готовясь идти по лестнице в небо.

– Прости меня, прости, прости, я живу, а ты больше нет, глупый, маленький, – хотелось шептать это долго-долго, чтобы слезы и вопли так и остались внутри, чтобы покой и тишина наполнили ее всю, как вода – пустой кувшин... .

Оглушенно постояв рядом с постелью мужа, она вышла в зал и сказала отцу:

– Пап, Сережа умер.

– Царство небесное, – отец выключил телевизор и добавил: – Звони в «скорую» и в милицию. И свекру тоже. А я во двор пойду, кобеля привязать.

Первой приехали ребята из ритуальной конторы – это понятно, поскольку у них со «скорой» договоренность насчет оформления покойников и распределения заработанных средств, значит, надо успеть оперативно перехватить заказ. Она держалась адекватно, связно отвечала на вопросы насчет могилы, гроба, венков, батюшки, и только когда санитары из неторопливой «скорой» понесли вон, вперед ногами, провисающее на простынях Сережино тело, истошно взвыла и тут же зажала рот руками, молча провожала глазами.

– Вы не волнуйтесь, – деловито посоветовал ритуальный агент. – Все там будем, а вам еще надо похороны оформлять.

Оформили. Прощаясь, агент обещал позвонить – сообщить время, когда надо будет подъехать к моргу с одеждой для покойного. Тут и свекор появился, как-то суетливо начал говорить о том, что вот, копил деньги на свои собственные похороны, а не на похороны сына, что ах, как все в жизни получается и прочие благоглупости, характерные для стареющих болтливых мужчин.

Остаток вечера и полночи она провела за гладильной доской – гладила любимый костюм мужа, светлый, с нитками льна, его сорочку, выбирала галстук, – Сережа старался всегда выглядеть стильным джентльменом, с каждого гонорара она покупала ему костюм. Сейчас это было какое-то тихое помешательство – испуленно гоняя утюг по доске, она разговаривала с мужем, просила прощения, спрашивала, как он там и жалко, что не увидит, какие им в мае поставят окна, точнее, нет, увидит (с неба), но уже не сможет высказать оценку, и прочий бред. Потом вспомнила, что так и не покормила Жама и дворового пса Вулканчика, бросилась к ним.

– Вы его видите? – спрашивала она у собак и даже у кошки. – Вы его чувствуете, он еще здесь?

Они молчали, только взволнованный Жам на всякий случай принялся ходить на задних лапах.

Заперев ворота, она прошла по двору. Пахло мокрой землей, только что освободившейся от снежных пластов, пчелиным воском из открытой двери сарая, где стояли пустые ульи, туша медогонки, старые рамки. Возле медогонки сидел отец, слушал радио и «употреблял».

– Ну, ты как? – спросил он. – Когда в морг-то ехать?

– Завтра к восьми утра, то есть, уже сегодня. Хватит тебе пить, идем в дом, суп из паке-тика сварю, хоть поешь.

– Иду, – отец сунул пустую бутылку в медогонку, встал, шатнулся, она бросилась под-держивать, так и вела отца по двору, потом в дом.

Долго лежала на диване и смотрела на иконы, которыми благословили их с Сережей после венчания. Немота в душе не отпускала, и молиться было не о чем, нет, конечно, следовало молиться за усопшего, но даже «Господи, помилуй» не выговаривалось, губы чужими были на лице, как нашлепки из пластилина.

...Это из Цветаевой, что ли, – «близких людей на небе много больше, чем на земле». Так и есть, на небе мама, духовный отец – протоиерей Вячеслав, перед которым она виновата неумением слушать и учиться молча всё терпеть, а вот теперь и Сережа. Небо не пусто, это она пуста, но чем или кем заполнить эту пустоту, непонятно. Не то, чтобы она сильно любила мужа, скорее, привыкла жалеть, спасать и вытаскивать, как всегда жалела и спасала отца – хоть в чем-то. А теперь для кого ей жить, для своей собаки, что ли? Отцу она никогда не была нужна, он вообще смотрел на жену и детей как на побочные продукты жизнедеятельности собственного организма и хотел только одного – прожить в пьяном ничегонеделании за удочками где-нибудь в заокской глухомани.

Утром встала пораньше, чтоб успеть до поездки в морг погулять с Жамом. Гуляла, в одной руке – поводок, в другой – телефон, чтоб дозваниваться до коллег и подруг. Набирала и не попадала по клавишам, да еще Жам, хоть и трехкилограммовый чихуахуа-стандарт, тянул ее с силой и упорством речного буксира, поскольку жаждал нагуляться и за вчерашний, пропущенный день тоже. Небо заливала синева вперемешку с золотом апрельского света, на колокольне ударили к утрени Великого Понедельника, и ей подумалось – хорошо, Сережа умер, словно приветствуя грядущего на крестные муки Спасителя мира. А ей осталась разодранная в клочья жизнь, долги, ветшающий дом, роман-отказник и вопиющее чувство собственной ничемности и несостоятельности.

– Слушай, Жам, хоть ты меня послушай, – говорила она пёсику, пока он пристраивался метить очередной кустик или мусорный пакет. – Я ведь сама виновата во всех своих бедах, так? Надо было посылать Сережу куда подальше после первого же свидания, когда он нервно дул пиво бокал за бокалом, а его бывшая жена, которая нас и познакомила и передала его мне в хорошие руки, посмеивалась и курила «Вирджинию слимз». Он же никогда не встречался со мной трезвым, может, потому что меня на трезвую голову страшно воспринимать, ха-ха? Зачем, зачем я его пожалела, зачем выслушивала все эти его бесконечные жалобы на судьбу, на родителей, на бывшую жену, на несовершенство мира? Понятно же было, что нытик и сентиментальный эгоист! Ах, черт, нельзя о покойниках плохо... В загс ехать, у меня платье шикарное с чужого плеча, отец пьяный в сарае, свидетельницы не едут меня красить и завивать, сплошной феназепам! А в загсе – позор – ни у кого не было ста рублей заплатить баянисту за марш Мендельсона, такая вот глупая бедность... И вся наша с ним совместная жизнь была борьба, покой нам только снился. На работу уходила – спал, с работы возвращалась – тоже, только вусмерть пьяный, вся моя библиотечарская зарплата уходила на его чекушки. Терпела, дура, из-за того, что в ногах валялся, каялся, мол, брошу-завяжу, только меня не прогоняй. А потом – чудо, шанс счастья, упавший, как райский плод, – знаменитый фантаст приехал в наш городишко на встречу с читателями! Я, Жам, тогда сильно повернутая на фантастике была, проела мозги директору насчет пропаганды условной литературы, вот она и пригласила, а писатель и приехал. Встретились, познакомились, я дышать в его присутствии боялась, стыдно было за грязный наш вокзал и город, за унылые пейзажи главного проспекта, за библиотеку нашу – серую и убогую, со щербатым паркетом и рваным линолеумом, с капающим краном в туалете и реющим белугой бачком унитаза... И сама я, – представь, Жам, – сапоги, пальто секонд-хенд, зато улыбка на полтора лица! Слава богу, писатель оказался не заносчивый, легкий человек, хоть и неотмирный. Краткая экскурсия по городу с акцентом на памятник Льву Толстому, что бронзово шагал к зданию ликероводочного завода, встреча с читателями и еще чуть-чуть посидели в кафе, выпили пива какого-то демократичного. За пивом я и покаялась, что тоже мечтаю в мейнстримовские писательницы выбиться, идеи есть, но все некоммерче-

ские. Не трусь, говорит, пиши. Садясь в электричку, благословил, домой с вокзала шла как по облакам. Когда муж протрезвел, рассказала про Великую Мечту и попросила не мешать в литературном процессе, даже пообещала купить две чекушки, если настроит старый «486-й пень», чтоб можно было на нем набивать текст.

Текст, Жам, пришел сам и герои тоже – знаменитый писатель и ведьма-библиотекарша, их судьбоносная встреча и романтические страсти. В реальности никаких страстей не было, даже поползновения к ним, могу на Библии поклясться. А тут получилась еще и пародия на самый читаемый его роман, правда, особо образованные поклонники сего романа сочли мой опус гнусным надругательством над святыней и вообще плагиатом; у них при одном упоминании моей фамилии и книг тестостерон из ушей брызжет... Так вот и стала печататься, когда первая книга вышла, носилась с нею, как вот ты – с резиновой косточкой: неужели это я да неужели это мое? Позже, книге где-то на десятой, восторг от Себя-Самой-Такой-Вот-Писательницы поулегся, захотелось попробовать писать не в том направлении, которое приветствует издательство, а в том, которое хочет собственное правое полушарие. Книги до десятой меня в издательстве все же ценили, а потом только терпели, потому что тиражи худо-бедно раскупались. Нет, Жам, я не хочу сказать, что я какой-то гений непризнанный, я просто способная фантазерка, вот и все, а это расстраивает, конечно. И десять лет жизни прошли в текстовом редакторе «Word», потому что реальность – это лечение Сережи в наркодиспансере, потом кодирование от алкоголизма, потом лечение от того-сего, словом, крест, скорби плоти и духа. А теперь, миляша, я и не жена и не писатель. Вот ведь какая забавность жизни.

Жам к горестному монологу отнесся наплевательски, совета не дал, поэтому вернувшись и вымыв ему лапы, она запила крепким чаем три таблетки анафранила и поехала в морг, держа на коленях целлофановый мешок с костюмом. Рядом на сиденье стояла коробка с мужниными ботинками – еще не надеванными, – когда покупали, он пошутил, что в гроб только их надевать. Нельзя такие шутки... Она твердила об этом водителю такси, который вежливо кивал в ответ.

У морга уже дежурили несколько автомобилей и нервно-бледных людей – они тоже ждали вестей о своих покойниках. В лужах блестело великопостное солнце, пахло табаком, мокрой бумагой и – почему-то – горелой резиной. Подошел свекор, опять начал плакаться насчет кровных денег, которые придется тратить на похороны сына. Скотина, хотелось сказать ей, крохобор, он же сын, что ж ты за рупь жмешься, а помнишь, как ты ему по пьяни два ребра сломал, но она молчала, потому как такое даже думать неприлично. И сама она, конечно, виновата – надо было прикапливать на черный день, а она все свои гонорары-зарплаты растранила по пустякам и никчемностям...

Вышел молодой парень из ритуальной конторы, сказал, что сейчас подойдет работница морга, пойдете с ней сами облачать покойника или заплатите и передадите вещички ей? При этом из полуоткрытой двери морга шел такой омерзительный запах формалина, хлорки и дезинфектантов, что она отшатнулась, подавляя рвотный позыв, отдала деньги и одежду, чуть не побежала прочь, еле выслушала расписание завтрашних похорон.

Возвращалась домой пешком через весь город – хотелось выветрить горький запах смерти и убедиться в том, что пустота вокруг нее самой – кажущаяся. Вон храм при оружейном заводе, люди идут со службы, вон в торговых рядах усталые серые девушки раскладывают белорусские колготки и китайские тени для век, прогрохотал изуродованный граффити трамвай, в луже плавают мятые банки из-под «Ягуара», бомжи деловито роются в урнах – всюду жизнь, как на ее любимой одноименной картине художника Ярошенко... Смерть – это несложно, а вот жить – как у кого получается.

Друзей Сережиных она практически не знала; конечно, можно было позвонить с его мобильного, выбрать из адресной книги, но не было сил. Тем более, что отпевание и прощание с телом будет в ритуальном зале, а не дома.

Дома она с ожесточением принялась за уборку, выматывая себя, чтоб не осталось сил на рефлексию по поводу горькой судьбины. Всё хорошо, врала себе она, что Бог ни делает, то к лучшему; и книги она еще напишет угодные издателю, и с долгами рассчитается, и дома будет ремонт – главное, потерпеть, пережить эту полосу и дальше ползти по минному полю собственной судьбы. Мобильник в кармане халата то и дело тренькал – оповещал об эсэмэсках от подруг и читательниц, сочувствующих и поддерживающих. Она прочитывала сообщения, некоторым отвечала, кратко и односложно. Жам ходил следом за ней по дому, лез под руку, – тоже, видно, соболезнавал, собаки всё понимают, только сказать не могут, верно?

А назавтра приехал к воротам дома дребезжащий «пазик» и под свинцовым отсыревшим небом отвез ее, Сережиных родителей и немногочисленных знакомых в ритуальный зал – отпевать раба божия Сергия. Когда она подошла к гробу, обитому праздничным бордовым плюшем, опять поразила умиротворенному лицу мужа. Рассматривала остро-восковой его профиль, руки, от которых служителям морга удалось оттереть даже старые табачные пятна, и тихо ахнула, когда увидела на шее грубый шов через край толстой серой ниткой.

– Ой, Сереж, как зашили тебя грубо, – прошептала она. – И вокруг головы веночек этот дурацкий из тряпичных гвоздик, пошлость какая... Зачем мужчине веночек...

И тут же поняла – трепанацию делали, вот и прикрыли веночком.

Сбоку пристроился свекор и снова зазудел о неисповедимости жизненных путей, от этой бесконечной трепотни ей стало еще тошней, но она привычно стиснула зубы – терпеть было проще, чем устраивать грызню и склоку, да еще у гроба.

Пришел батюшка, роздал свечи, возгласом «Благословен Бог наш...» начал отпевание. Она смотрела на пламя своей свечи, ежилась – в зале было холодно, думала, что надо держаться, еще ведь на кладбище ехать, потом немудрящие поминки, и тогда она отдохнет, будет долго стоять под горячим душем, закутается в плед, под боком пристроится Жам, можно будет почитать что-нибудь общеукрепляющее... И скоро Пасха, душа утешится, быть может, и снова покатится жизнь, осененная благим одиночеством. Странно, что слез совсем нет, это плохо, значит, всё копится внутри и может прорваться в неподходящий момент. Так что антидепрессанты – двойную дозу – с этого дня обязательно.

Кладбище, Мыльная гора, казалось бесконечным как расширяющаяся Вселенная. Автобус вяз в раскисшей глине, рычал, встряхивался будто взмокший пес, и гроб внутри подпрыгивал и раскачивался, она придерживала его за край, боясь ненароком коснуться ледяного тела мужа. Наконец приехали, к могиле надо было пробираться по жуткой грязи, петляя среди свежих сырых холмиков с пластмассовыми венками. К месту последнего упокоения, кроме могильщиков, поначалу не подошел никто – боялись увязнуть в расплзающейся по краям могилы глине. На холмик водрузили гроб, весенний ветер играл лентами на венках, шевелил лепестки тряпичных гвоздик и кружева обивки. Она подошла все же, еле вытягивая ноги из жадно чавкающей земли.

– Прости меня, Сережа, – прошептала она, прощаясь с фарфоро-желтым его лицом.

Гроб заколотили и принялись опускать в могилу. Оказалось – вырыли короче, чем надо, гроб не лез, пришлось спешно подкапывать, могильщики с брезентовыми лицами, матерясь, пихали его в чрево земли, дабы не задерживать процесс получения денег и водки. В конце концов гроб громко плюхнулся оземь и наверх из могилы выметнулась волна мутной воды – сыро было после бурной апрельской оттепели. Муж ее племянницы, Дмитрий помог поставить простой деревянный крест.

– И больше ничего, – сказала она. – Глупо-то как.

Глава вторая

Попытка отдышаться

На девятый день Сережа ей приснился. Он вошел в их спальню в темно-сером костюме, который был куплен с первого ее гонорара и кипенно-белой рубашке. Стоял возле постели и смотрел на нее. Потом стал раздеваться, и снятые им вещи вдруг исчезали из его рук.

– Сережа, ты же умер, – прошептала она.

– Нет, – хмуро отрезал от факта смерти он. – Живой я.

– Но я сама видела, у тебя на шее шов после вскрытия!

– Ерунда все это, жив я. Только спина у меня вся в прыщах, – он снял рубашку и повернулся спиной. – Выдави, уже созрели.

Она проснулась с задущенным в горле воплем, села в постели, вцепившись в Жама, который принялся лизать ей руки. Поняла, что уже больше не уснуть, встала и отправилась на кухню готовить чай.

После чая, гуляя с Жамом, она отправляла эсэмэски подругам, прося помянуть Сережу, помолиться за него. Подружки были не то чтобы верующие, однако констатирующие бытие Бога, так что просьба могла подействовать на загробную мужнину участь. Подружки отвечали сочувствием, а, собственно, чем еще они могли ответить? Она вдруг поняла, что на самом деле вокруг нее нет никого близких – ни кровных, ни духовных, чтоб просто выревуться на доброй и понимающей груди.

Поздняя Пасха расщедрилась на солнце, гомонящих воробьев, купающихся в лужах голубей, котов, восседающих на заборах с изяществом медитирующих даосских монахов. Небо рвалось за свои края, вздувалось куполом, как мокрая простыня на веревке; ошалевшие от вешней свободы пчелы истерично жужжали в воздухе и звучно шмякались об калитки и окна, оставляя на них капельки желтоватого будущего прополиса. На деньги, оставшиеся от похорон, она купила простенький фотоаппарат и теперь упражнялась в съемке, регулируя режимы, фотографируя то полянку мать-и-мачехи, то соседского кота Фиму, то свежераспустившиеся крокусы... У нее возникло неотвязное и властное желание зафиксировать каждую мелочь настоящего-уходящей жизни, словно эти снимки были доказательством ее собственного существования. Эти подснежники, эта ветла, этот родник, храм и парк – они есть только потому, что *она* увидела и остановила их движение в небытие с помощью легкого нажатия кнопки спуска. Она подумала, что истинная жизнь, истинная *сущность* – это одномоментность и есть. Имелся у нее некогда знакомый докторской степени по философии, чье сознание было насмерть заякорено на Мишеле Фуко и Жане Бодрийяре; так вот он на ее пируэты с фотокамерой цедил презрительно, что она всего лишь плодит симулякры. Ну и что ж, пусть симулякры, отвечала она, но как с ними здорово жить! Чего не сказать о тех же Кьеркегоре и Хайдеггере... А разве вся наша жизнь не есть бесконечный процесс производства симулякров и симулякров симулякров? Слава небесам, философ благополучно исчез в нехоженой дали, лелея свое одиночество, и ей остались малые невинные радости вроде сочинения стихов и опять же съемки с двадцатикратным зумом.

Набежавшее на город лето, назойливое и вздорное, лишь добавляло забот и долгов. В пустынной библиотеке она вновь и вновь пыталась вылепить из глины фразеологизмов нечто похожее на жизнь, о которой будет интересно читать. Не выходило. Тем более, что в душе обосновалась непонятная всеединая злобность, сродни паранойе и биполярному расстройству одновременно. Она старалась это давить в себе, чтобы не превратиться в бешеную и надменную тварь, которая видит вокруг не лица, а рожи, плоские, глухие рожи как на картинах Босха. Жизнь вокруг то заливалась идиотским смехом, то сплетничала и мыла кости, то капризни-

чала и ныла, то пьянствовала и материлась, словом, делала все, чтобы стать еще сложнее. И когда промозглый сентябрь возвестил о себе ударом дождевых капель в окна, она поняла: надо бежать.

Но куда? Как-то по телевизору она увидела передачу о Плесе, крохотном городке Ивановской области, и возмечтала уехать туда, даже стихотворение написала: «Я так хочу уехать в Плес, жить в доме с окнами на Волгу», и прочее благостно-возвышенное, нутром понимая, что никуда она не уедет от родных могил и от отца. Страна бредила грядущей зимней Олимпиадой, под это спортивно-благородное дело в городе решили закрыть несколько библиотек, списывались тонны когда-то нужной и ценной литературы, остатки увязывались и передавались в резервный фонд, которому тоже, быть может, грозила печальная участь забвения. Естественно, она тоже увязывала, паковала и таскала, отрывала обложки с собраний Горького и Диккенса, Айтматова и Фицджеральда. «Цветочки Франциска Ассизского» отправлялись в макулатуру вместе с «Молодой гвардией», советская фантастика бесславно гибла попеременно с Чейзом и Макдональдом... Твердые переплеты старых изданий отрывались от книжных тел неохотно, словно присохшие бинты от ран; она понимала, что книги тоже чувствуют боль, и находила в этом сладострастное утешение – не я одна страдаю, меня не печатают, а вас просто уже не читают! Облака в штанах и тигровые шкуры, дикие розы и голубые чашки, пышки, малахитовые шкатулки, всадники без головы и кладовые солнца, кондуиты, Швамбрании, Солярисы, Нарнии, – всё величие и бессилие культуры превращалось в связки старой бумаги. Она чувствовала себя убийцей, социопатом: ведь, уничтожая книгу, она уничтожала ту сферу чистого интеллекта, ту энергию мысли и восприятия, которую книга годами создавала вокруг себя; убивала память о всех читателях, о всех руках, что ее держали жадно, любовно и нетерпеливо. Конечно, на Западе на книгу смотрят утилитарно: информация устарела – из книги можно вырезать всякие арт-объекты от перстней до горных кряжей, но попробуй вытворить такое в России, подымется вопль: как, на святое? Типично русская черта: уж лучше святое уничтожить до основания, но только не придать ему новую форму или содержание. Когда ломать – не так душа болит.

Она злобно размышляла об этом, увязывая пачки шершавыми от пыли пальцами, кипя внутри от вселенской глупости, в которой приходится участвовать, и тут тренькнул телефон, возвещая о новом СМС.

Эсэмэска была от давней читательницы, живущей на такой окраине России, что и помыслить не хочется. «Приезжай в гости, – звала та. – У нас сейчас хорошо, самое время погулять». Она беззвучно расхохоталась: такое приглашение мог сделать человек, только погрузившийся в нирвану, не менее! Она ответила: «Извини, не могу. Загружена работой», что было правдой на сто процентов. Подруга отреагировала смайликом «Жаль» и осталась за гранью действительности Ники Перовской, библиотекарки-социопки, злобной, несчастной, неудавшейся букеровской лауреатки.

К середине октября город сошел с ума – через него должны были нести олимпийский огонь, на тротуарах под проливным дождем таджики и узбеки клали плитку, в лужи на дорогах сыпали дымящийся асфальт, а покосившиеся домишки, где смогли, прикрыли плакатами и транспарантами в лучших традициях потемкинских деревень. Она взяла выходной в день «несения», но к общему веселью не присоединилась, устроилась на диване с «Россией вечной» Юрия Мамлеева, рядом Жам похрапывал в надежде на вечернюю прогулку.

Распогодилось. Она подумала, не пройтись ли с фотоаппаратом, поснимать мокрую и алую листву, но навалилась лень и безысходность. Отложивши Мамлеева, она поплотнее укрылась пледом и задремала, почитая сон лучшим способом бегства от реальности.

Реальность напомнила о себе звонком в калитку. Спросонок она свалила с дивана Жама (протестующий визг) и побежала открывать, полагая, что это очередная проверка счетчиков.

Однако у калитки стояла машина с логотипом экспресс-почты и долговязый отрок в желтой бейсболке и с желтым же конвертом в руках.

– Вы – Ника Перовская? – дыша мятной жвачкой, спросил он.

– Да.

– Вам письмо заказное из О-банка. Здесь распишитесь.

– Из банка? Черт... А паспорт нужен?

– Формальности. Вот ручка.

Она расписалась, получила глянцево блеснувший тяжелый конверт и вернулась в дом, хмуро гадая, какую гадость ей предложил О-банк. Собственно, она этому банку выплатила кредит за диван, но долгов не было, и какого, спрашивается, ляда им от нее надо? Может, это вообще не из банка, а какой-нибудь террористический выверт? И пусть. Давно пора взорваться ко всем чертям, Жама только жалко, один останется, скучать будет.

Однако угроза теракта миновала, когда она вскрыла конверт и вытащила стопку ярких проспектов и увидела прикрепленную к одному из них кредитную карточку «Виза голд».

– Искушаете, паразиты, – пробормотала она, читая бодрые банковские мантры насчет неограниченных возможностей карты. – Не выйдет.

Но с другой-то стороны – долги! Кран в ванной течет, несмотря на десять слоев изоленды. Нет зимних сапог, впрочем, осенние тоже дышат на ладан. И вообще, пора себе что-нибудь *неадекватное* позволить.

На активацию карты ушло чуть более суток. Когда увидела сумму лимита – слегка ошалела – она столько за год не зарабатывает, обалдели они в этом О-банке! Сразу вспомнился булгаковский Мастер, который выиграл в лотерею огромные деньги, купил квартирку, взялся писать роман, и чем это кончилось, знает каждый школьник. Только вот ее *там* не ждет покой в доме с витражами и виноградным лозами, и Маргариты (само собой, в мужском лице) не намечается.

Она целую неделю упорно не вспоминала о карте. Но к выходным кран отвалился окончательно, а наличных – с гулькин нос, так что пришлось пойти в магазин сантехники и совершить первое кредитное безумство. Плюс к тому – на работе ее нервы регулярно использовали в качестве балалаечных струн, и отпуск – пусть за свой счет! – был необходим, как никогда. Вспомнилась эсэмэска от подруги с окраины России, ее несвоевременное приглашение, и она решила написать: «А что, если я приеду?» «Приезжай», – просто и радушно ответствовала та, и Ника решила узнать цены на железнодорожные билеты.

До города Анны ехать нужно было восемь суток, билеты стоили запредельно, но с учетом кредитного лимита хватало как раз туда, обратно и на сувениры. Она упростила отца на время ее отсутствия не забывать кормить и выгуливать Жама, собрала чемодан, купила билет и взяла отпуск за свой счет. Где-то в районе гипоталамуса скулила мысль о том, что долг по карте платить будет нечем, но безудержное желание перемены мест глушило этот скулеж и гнало вперед.

– Где ты только деньги берешь? – докучали добродетельные коллеги, но Ника делала глупо-терпеливое лицо и отвечала: «Рисую».

День отъезда был переменчив – несколько раз принимался дождь, потом небо расчищалось и проглядывало солнце. Отец с Жамом провожали ее на вокзале, Жам заметно страдал, отец был индифферентен.

– Пап, ты не пей много, у тебя же стенокардия, – тщетно просила она. – Жама за калитку не выпускай, его бездомные собаки порвут. Я звонить оттуда не буду, дорого, но ты не волнуйся, суповые пакеты я тебе купила, на кухне лежат в среднем ящике, а Вулканчику кости из морозилки вари...

– Ладно, разберусь, – нетрезво убеждал отец.

Ника перекрестила его и Жама, на мгновение вся внутренне сжалась, но переборола себя и поднялась в вагон.

Попутчиками в купе оказались две неопределенного возраста дамы, исполненные тела и золотых колец. Одна, с опасно красным лицом, уже пила «Балтику» из банки, другая, покопавшись в сумке, извлекла толстый «Караван» и принялась листать его в поисках наиболее душераздирающей истории из жизни богато-знаменитых. Ее веки, выполненные в модной технике «смоки айс», нервно дрожали, а у основания нереально длинных ресниц сверкали крошечные стразы. Гламур 50+ в чистом виде. Нике стало стыдно за свой лишний вес, скрытый платьем-мешком, но она превозмогла его, улыбнулась своему мысленному образу и положила на стол пакет с яблоками.

– Добрый день, – сказала она попутчицам. – Угощайтесь.

Стразы блеснули в вежливом отказе, а «Балтика» поднялась и со словами «Пойду, покурю», исчезла.

Нике захотелось заплакать. Она считала себя неплохим человеком, легко идущим на незатейливое общение, и прямой пофигизм по отношению к себе воспринимала болезненно. Мысленно проворчав невразумительную гадость, Ника принялась есть яблоко, стараясь хрустеть им как можно тише.

Поезд тронулся, Ника смотрела на ускользящий в прошлое город и переживала за Жама. Даже яблоко есть расхотелось. Гипоталамус опять разнылся, но она, стиснув зубы, сказала себе, что хватит всех этих сентиментальных соплей в духе Стефани Майер, и то, что впереди – это необходимый жизненный опыт. И, возможно, новый роман, который придется издателю по душе.

«Балтика» вернулась с шестибаночной упаковкой «Велкопоповицкого козела», брякнула ее на стол и изрекла:

– Давайте знакомиться, девочки. Наташа.

– Ника.

– Маргарита, – царственно блеснули стразы.

– Я на верхней полке спать не могу, – деловито сообщила Наташа, добавляя к пиву некую сушеную рыбку из своей сумки в стиле кантри. – Почки больные, то и дело в туалет...

– Я наверх тоже не полезу, – оторвалась от глянцевого мира Маргарита. – У меня слабый вестибулярный аппарат.

Само собой, Нике пришлось заверить их в том, что она всю свою сознательную жизнь провела на верхних полках поездов дальнего следования. При том, что билет у нее был именно на нижнюю.

– И пожалуйста, женщина, не чавкайте так своими яблоками, – деликатно потребовала Маргарита.

– Я не чавкаю, – уязвилась было Ника, но «Караван» опять отправился в гламурные дали.

Обидно, черт. Сунув чемодан под сиденье, Ника демонстративно достала книгу Мамлеева (это вам не биографии Алсу и Максим, сударыня, да-с!) и полезла наверх. При весе в девяносто с лишним это было актом беспримерного героизма, но она справилась. Кошмарно неудобно. В поездах она не ездила лет двадцать и успела отвыкнуть от этих дорожных прелестей. Да и Мамлеев своей метафизической мрачностью подливал масла в огонь. Зато она испытала язвительную радость, узрев со своих высот, как под прикрытием журнала гламурная Маргарита беззастенчиво ковыряет в носу наманикюренным пальцем.

Заглянула слегка нетрезвая проводница, осведомилась насчет чая. Ника заказала, очень хотелось соблюсти чайно-дорожную церемонию, в которой обязательно фигурировали подстанники. Слезла с полки (это труднее, чем наверх), села у окна, заглушая запах сушеной рыбы процессом созерцания летящих мимо пейзажей.

– В поездах не чай, а помои, – авторитетно констатировала Маргарита. – Не понимаю, как это можно пить, да еще за такие бешеные деньги.

Понятно, в чьи ворота гол. Плевать. Она порылась в сумке, извлекла свой фотоаппарат и стала примеряться снять законные картины природы. Получалось блекло и размыто.

Проводница принесла чай, почему-то пахнувший кока-колой. Ника пила его маленькими глотками, стало жарко, по спине потекла струйка пота под резинку трусиков, она терпеть не могла это ощущение. А еще Нике вдруг стало жутко при мысли о том, что целую неделю она будет прикована к этому неуютному мирку с неуютными, чужими людьми.

– Вы до конца едете? – спросила она попутчиц. – До К.?

– Допустим, – сверкнула стразами Маргарита. – А что?

– Просто я впервые еду так... далеко. Все равно, что на другую планету.

– Планета везде одна, – допила банку «Козела» Наташа. – Сплошь Расея.

– Ну нет! – возмутилась Маргарита. – Есть ведь и цивилизация помимо России!

– Ага, – Наташа хмыкнула. – Только она не про нас. Вон, далеко ходить не надо – в нашем вагоне сортир просто мама не горюй. Кто-то опростался мимо унитаза, а убираться некому, вот и вся цивилизация!

– Оу! – возмутилась Маргарита. – Надо было сообщить проводнице! Это невыносимо, мы платим такие деньги, мы не должны это терпеть!

– Вам надо, вы и сообщайте, а я и так схожу, – Наташа была невозмутима.

Гламурная леди гневно свистнула ноздрей, но с места не сдвинулась. А Ника меж тем поняла, что ей пора посетить обсуждаемое место, а значит, столкнуться с неоспоримым доказательством российского безобразия.

Она вышла в коридор. Пахло так, словно под вытертой ковровой дорожкой захоронили биологические отходы категории В. Ника морально подготовилась к зрелищу российского сортира, но все равно было противно. Преступная куча выглядела свежо и мучительно напоминала о горечи бытия. Кое-как помыв руки и используя влажные салфетки для открывания двери, Ника вышла в коридор и решила, что надо-таки найти проводницу и поставить ей на вид, а то подумают, что это она напакостила.

Проводница сидела в своем купе перед ополовиненной бутылкой дешевого ликера и рассеянно что-то слушала через наушники от смартфона. У нее была огромная грудь, напоминающая дремлющий вулкан, и серое лицо с розовым пятном губ.

– Простите, можно вас на минутку, – начала Ника.

– А? – проводница отсутствовала в реальности, выходит, ликер был непрост.

– Там, в туалете... – Ника повысила голос.

– Орать-то чего, – устало скривилась проводница и вытащила из ушей наушники. – Чего? Казалось, через огромные поры ее кожи на щеках сочится такое уныние, что тревожить ее – смертный грех.

– В туалете кто-то сходил мимо унитаза, – обрисовала ситуацию Ника.

– А я-то что? – осклабилась проводница. В наушниках стонала тошнотворная песня про букет белых роз с любовью в каждом лепестке. Проводница, как все женщины, не была чужда глобальной сентиментальности.

– Надо убрать бы, – несмело предложила Ника.

– Уберу, – заверила вагонная страдалница. – Сию минуту.

И налила себе полстопки тягучего ликера, напоминавшего по цвету клей ПВА. Пахло чем-то сладким.

Ника всё топталась в дверях.

– Еще что-то? – хлопнула ресницами страдалница.

– Нет, всё.

Ника вернулась в купе, не уверенная в том, что проводница выполнит ее жалкую просьбу. Наташа дремала, а Маргарита, разложив на столике боевой косметический комплекс, снимала стразы вместе с дополнительными ресницами. Процесс был кропотливый, Ника не посмела мешать, вытащила пачку влажных салфеток и протерла лицо.

За поездом вслед гнался стремительный осенний вечер, в окно ударили косые струи дождя, и словно не было никакого мира за пределами вагона, словно тьма, и дождь, и дорога – были воображаемы и предположительны, как и вся остальная жизнь.

Глава третья

В дороге

На третьи сутки дождь сменился снегом, поскольку из средней полосы с ее мягким климатом, поезд вгрызся в края суровые и легендарные своим непокладистым норомом. Ника жалела, что не взяла зимнее пальто, но надеялась, что Анна добавит какой-нибудь теплый шарф к ее немудрящей куртке. Попутчицы развлекались, как могли; Наташа проводила время в вагоне-ресторане с некими настойчивыми и смугло-усатыми мужчинами. Мужчины предлагали свое общество и Маргарите, но та, ссылаясь на головную боль и диету, штудировала очередной глянцево-журнал либо полировала длинные острые ногти. На Нику вагонные мужчины не среагировали, что с одной стороны, ее утешало, а с другой – оскорбляло и раздражало – неужели она такая непривлекательная? Впрочем, и без того хватало переживаний за отца и Жама; она уже раз тридцать отругала себя за то, что опрометчиво сорвалась в эту ненормальную поездку. Даже Юрий Мамлеев был от скуки прочитан до библиографического описания на последней странице.

Кстати, в сортире наконец навели порядок, правда, проводницу подвигла на это Маргаритина истерика (а может, еще кто-то по вагону психанул). Хлоркой несло по всему вагону, этот запах Ника ненавидела с детсадовского периода, что опять-таки не прибавляло оптимизма. Плюс немытая голова и немывое все остальное. Плюс безбашенные цены на лежалые бутерброды и салат оливье в ресторане. Короче, дорожные жалобы, век XXI.

Однако Ника не сдавалась. С собой были взяты пять штук толстых тетрадей и «Паркер» с запасом стержней. «Паркер» подарил ей Сережа в первый год ее писательства, и она пользовалась ручкой, только когда раздавала автографы. Теперь можно было фиксировать в тетрадях дорожные впечатления. Ника забиралась на свою полку, пристраивалась поудобнее и писала. Было так удивительно после стольких лет сидения за компьютером ощущать запахи бумаги и чернильной пасты... Она описала Наташу и Маргариту, отметив в скобках, что их типы могут пригодиться в каком-нибудь романсере про суровые ведьмовские будни. Тем более, что к концу четвертого дня дороги Наташа проявила к Нике некий интерес.

Был вечер, поезд несся сквозь снежную мглу, Маргарита вышла в тамбур курить, Наташа опять общалась в ресторане с настойчивыми мужчинами, поэтому Ника спустилась со своих высот и писала, положив тетрадь на столик, наслаждаясь минутой одиночества и общения только с собственными мыслями. Она увлеклась – получалось неплохое стихотворение, – и когда грохнула дверь купе, даже вздрогнула от неожиданности, так далеко ее унес простой трехдольный анапест с ассонансными рифмами.

На пороге купе стояла Наташа и рассматривала Нику как редкостное насекомое.

– Всё пишешь, – непонятно сказала она. – Писатель, что ли?

Она была в том градусе опьянения, когда любая попытка избавиться от ее внимания воспринималась, как демонстрация глобального неуважения. Поэтому Ника натянула на лицо внимательную улыбку и ответила:

– Писатель. Точнее, писательница.

– Ух, ты. – не удивилась Наташа. – Детективы пишешь, как Донцова?

– Нет, фэнтези, фантастику.

– А-а. А фамилия твоя как?

– Перовская.

– Не, не читала. Я вообще мало читаю... И сколько ты платишь, чтобы твои книжки печатали?

– Вообще-то нисколько. Это, наоборот, мне издательство платит гонорар за публикацию книги.

– Большой?

– Что?

– Гонорар.

– На скромную жизнь хватает.

– Ага. То-то, смотрю, ты в ресторан редко заходишь, щемишься. Деньжата на подсосе?

– Да, – Нике был уже неприятен разговор, она не знала, как отвязаться. – Сейчас не очень удачная полоса...

– Ниче, все переменится, – широко улыбнулась Наташа. – Пойдем, выпьем, в ресторане коньяк неплохой, я угощаю!

– Да я...

– Пойдем-пойдем. Познакомлю с ребятами.

– А почему нет? – пробормотала Ника, понимая, что выглядит слишком тривиально: усталая от неуютной жизни вдовца пускается в авантюрно-железнодорожный роман. Однако достала из сумочки помаду и накрасила губы. Наташа ждала ее в коридоре, обозначив в лице веселое понимание.

Вагон-ресторан был оранжевым, как апельсин изнутри. Ника всегда любила этот цвет, но сейчас он был почему-то неприятен. Наташа подвела ее к столику, за которым вольготно разместились трое обремененных смоляными бородами и выразительными гагатовыми глазами джентльменов.

«Джентльменов», это, само собой, с натяжкой. Никто из них даже символически не поднял зад от сиденья, приветствуя дам. Восточные мужчины, что с них возьмешь, для них женщина – существо определенного статуса.

– Привет, мальчики, а я свою подружку привела, – проворковала Наташа голосом, несоответствующим ее inferнальной фигуре и макияжу. – Ее зовут Ника. Ника, а это Рза, Анвар и Ибрахим, очень классные ребята!

– Очень приятно, – улыбнулась Ника.

Взоры восточных мужчин умело скользнули по ней и остались недовольны. То, кто Рза, сказал, пришепывая:

– Ты говорила, красивый подруга у тэбя. Этот разве красивая?

– Конечно, красивая! – Нике от медоточивости Наташиного голоса хотелось уйти в землю. – Она еще и умная!

– Да? – поднял мохнатую бровь Ибрахим. – Это нехорошо, когда женщина умный и некрасивый. Лучше наоборот. Садитесь, раз пришли.

В Нике сразу вскипела кровь многочисленных поколений феминисток, начиная от Симоны де Бовуар. Она села и спросила:

– Почему плохо, когда женщина умная?

– Патамушта в жены ее только дурак и возьмет, – пояснил Ибрахим. – Но ты не умная, а все равно не замужем.

– Я вдова, – Ника почувствовала, что вместо лица у нее злобно-улыбчивая резиновая маска. – Мой муж умер от рака гортани.

– Ой, ну давайте не будем о печальном! – засуетилась Наташа. – Ребята, давайте выпьем за знакомство!

Рза заказал коньяк и бутерброды с икрой. Все, кроме Анвара, налили по стопке и выпили. Ника сделала глоток густо-янтарной жидкости и заставила себя не поморщиться – она не любила коньяк, вообще ее жутко мутило от запаха алкоголя. Если б не абсолютный celibat последние восемь лет жизни с мужем, подумала бы, что беременна...

– Отличный коньяк, – сказала она, изображая знатока. – А вы, Анвар, отчего же не пьете?

– Он правоверный мусульманин, не пьет и по-русски не говорит, – пояснил Рза.

– Но как же вы тогда живете в России? – Ника вспомнила, что периодически пыталась читать Коран.

– Женщина, – хмуро посмотрел на нее Рза. – Зачем тебе знать больше, чем надо?

Просто хамы какие-то, разозлилась Ника и сказала:

– Спасибо за коньяк и любезность, я пойду.

Она привстала, но Наташа одернула:

– Ну пожалуйста, посиди с нами, – и громко: – А вы знаете, ведь Ника – писательница! Она пишет фантастические романы!

Восточные лица исказились от брезгливости. Причем синхронно. И Ника выдала:

– Наташа, вы не затрудняйтесь! Джентльмены не знают, что такое фантастика! Честь имею.

Она оттолкнула стул и ушла, впечатывая подошвы в истертую ковровую дорожку. В купе она расхохоталась в голос, даже не стесняясь присутствия гламурной Маргариты. Отхохотавшись, Ника достала косметичку и стала поправлять остатки макияжа. Потом поняла, что ведет себя глупо, и сунула косметичку в сумку.

– С вами все в порядке? – опасливо глянула на нее Маргарита.

– О, в полном, – Ника улыбнулась так, что стало видно отсутствие коренных зубов в нижней челюсти. – Я так чудесно развлеклась!

– Рада за вас, – Маргарита отгородилась очередным «Караваном».

Ника залезла наверх и нацарапала в дневнике несколько фраз, характеризующих то, что произошло ранее. Потом записала мысль, которая фонтанировала банальностью, но ей понравилась: «Жизнь – это цепь разочарований, но это можно стерпеть, если звенья ее – золотые».

Она поняла, что заснула, когда увидела эту цепь – жарко горящую золотом, рассыпающую вокруг сверкающие искры. Цепь лежала у ног, оборачивая их кольцами, как покорная змея. Ну надо же, подумала Ника, какое нравоучительное сновидение – прямо как диккенсовскому Скруджу. Не жадничай, мол, и не гонись за деньгой, ибо счастье заключено в следовании моральным идеалам, высшим принципам и прочей словесной благодати. Я и не гонялась, черт возьми, принялась отнекиваться Ника, и вообще, это не мое золото!

– Конечно, не твое, – авторитетно заявила невесть откуда взявшаяся во сне библиотечная коллега Ольга Кандельская. Подхватила цепь, поднесла к глазам: – Барахло! Турецкое золотишко, 585 проба, самовары только делать и печатки гопникам! Сколько раз я тебе говорила, писательша, настоящие ценности надо приобретать, натуральные, а не хлам базарный!

– Как ты меня достала, – утомленно проговорила Ника, поудобнее ухватила конец цепи, накинула его на шею Ольге и принялась душить. – Все-то ты меня критикуешь, все-то недовольна. Нет от тебя никакого покоя!

– И не будет тебе покоя, кошелка ты пустая, корова безрогая! – ругалась Ольга и ловко выскальзывала из золотой удавки. – Телушка бестолковая! Истинно корова!

Ника всхрапнула, как перепуганная кобыла и проснулась. И услышала:

– Где эта корова?

Попутчица Наташа, произнесшая эти слова, похоже, была уже при солидном градусе нетрезвости. Ника, не обнаруживая свое пробуждение, тихо лежала на полке, отходя от отвратительного сна, в котором скрываемая ею кровожадность проявилась с ужасающей ясностью.

Наташа меж тем что-то втолковывала Маргарите, пересыпая невнятную речь вздорным хихиканьем.

– Прикинь, – расслышала Ника, – На вид – продавщица из пивного ларька, зад как чемодан без застежки, морда тяткой, мужики ухотались на нее. Она, говорит, мол, что писательница.

– Писательница? – со смешком переспросила гламурная леди. – А, чушь! Сейчас все писатели, сидят круглые сутки в соцсетях и пишут.

– Она вроде печаталась...

– И как же ее фамилия?

– На «п» как-то. Щаз. Пер... Первух... Первачева... А, Перовская!

– Точно Перовская? Ника Перовская?

– Да, точно, она.

– С ума сойти! – Маргарита рассмеялась коротким утробным смешком. – Это надо же!

– А что, книжки ее читала?

– Представьте себе! Так, просмотрела по диагонали, чушь собачья. Моя косметолог дала как-то полистать, пока педикюр мне делала. Она эту Перовскую обожает, все ее книжки собрала.

– И много?

– Двадцать с чем-то штук. Вот будет забавно, если я из поездки привезу Любаше автограф ее обожаемой писательницы! Как проснется, попрошу в блокноте расписаться. Бывают же такие совпадения! Кстати, Наташа, почему вы мне «тыкаете»? Мы, кажется, не в таких отношениях...

– Ой, охренеть, какие этикетки-шмитикеты! Рит, будь проще! Пойдем, выпьем в ресторане, я тебя с отличными мужиками познакомлю.

– С грузинами, что ли?

– Не, они дагестанцы. Кажется.

– А не боишься, что они боевики какие-нибудь?

– Если кавказец, значит, боевик обязательно? У них нормальный фруктовый бизнес, я пообщалась. Они в К. едут связи налаживать по поставкам. Серьезные ребята. Да пойдём!

– Исключено, – Ника услышала, как зашуршали страницы Ритинога журнала. – Дорожные романы – это не мое. Извини.

– Мое дело предложить, – хмыкнула Наташа и вышла.

Полежав минуты две, Ника принялась возиться на полке, изображая пробуждение. Нарочито громко зевнула, потянулась. Слезла, под пристальным взглядом Маргариты порылась в сумке, достала бутылку минералки, сделала глоток.

– Душно там, наверху, – сказала в пространство.

– Отопление на полную мощность включили, вот и душно, – Маргарита говорила, не отрывая взгляда от страниц «Каравана». – За окнами-то мороз минус пятнадцать.

– Откуда вы знаете?

– Разговор проводников случайно услышала, когда курила в тамбуре. Еще впереди сильные метели, так что могут быть заносы на дороге. Будет очень мило, если мы застрянем где-нибудь посреди тайги пред огромным сугробом, который не успеют расчистить.

– Да, как будто мы в «Докторе Живаго» Пастернака. Нам всем дадут лопаты и поставят впереди состава. Российские железные дороги сохраняют свои лучшие традиции.

Маргарита хмыкнула. Потом спросила:

– Ника, вы случайно не та писательница, которая написала роман «Исповедь ведьмы»?

– Случайно та, – Ника вздохнула. – Я не спала, я слышала, как Наталья назвала меня коровой и что ваша педикюрша обожает мои книги. На самом деле мне очень льстит, что меня читают косметологи, я ведь не Умберто Эко или Артуро Перес-Реверте, я пишу для повседневного спроса. Я с удовольствием дам автограф для вашей...

– Любы. – Маргарита полезла в сумочку от Донны Каран и достала элегантный блокнот и авторучку. – Девушку зовут Люба Николаева. Она мне просто не поверит.

Ника размашисто написала в блокноте: «С любовью – Любви Николаевой. Поверьте, я – это я. Ваша Ника Перовская».

– Спасибо, – Маргарита улыбнулась. – Пойду покурю. Вы совсем не корова, Ника, не обращайтесь внимания на эту пьяную дуру.

Оставшись одна, Ника почувствовала свою бесцельность. На какую-то минуту ей показалось, что она не доедет в К. и Анне не суждено будет ее встретить. Она вдруг захотела позвонить подруге, но сеть отсутствовала, за окнами царила однообразная глухая мгла. Остановись сейчас поезд – и все они окажутся как будто в ином измерении. От этой мысли к горлу подступила тошнота, Ника достала мятные драже, положила парочку под язык. Перед поездкой она специально перестала пить свои всегдашние антидепрессанты и, хотя мягко снижала дозу до нуля, синдром отмены все равно мучил ее по вечерам. В ушах зашумело, бросило в пот, и Ника решила выйти в тамбур, подышать холодным воздухом или хотя бы горьким табачным дымом, наверняка там кто-то курит, та же Маргарита, к примеру.

В промерзшем тамбуре она стояла минут десять, вдыхая ржаво-холодный воздух, качаясь в одном ритме с телом поезда. Весь этот грохот и шум отрезвлял, напоминал о реальности и тем самым успокаивал.

– Черт, – пробормотала Ника, – я оставила купе пустым, а если Маргаритину сумку спрут, она же меня на винегрет порубит своей пилкой для ногтей!

Ника поспешила в купе, но в трех шагах от него вдруг остановилась. Дверь купе была приоткрыта, хотя она твердо помнила, что оставила ее закрытой... Она заглянула в проем и отшатнулась – обе ее попутчицы неистово целовались, сжимая друг друга в объятиях.

Никую вырвало прямо в коридоре; она упала на колени, перед глазами поплыли зеленые круги. Только через некоторое время она осознала, что лежит в купе, на лбу у нее мокрое полотенце, рядом сидит проводница и сосредоточенно измеряет ей давление. Во рту было сухо и горько.

– Воды, пожалуйста, – прошептала она.

– Минуту, – кивнула проводница. Посмотрела показания тонометра и сдула манжету. – Сто девяносто два на сто восемнадцать и пульс сто четыре. Вы что от гипертонии принимаете?

– Я не... У меня нет гипертонии. Как же так...

– Бывает. Вот, минералочки глотните, холодная, и полежите. Я сама иногда от давления загибаюсь, хотите, свою таблетку дам?

– Давайте.

Ника запила водой таблетку, откинулась на подушку. Потом пробормотала:

– А эти, которые со мной в купе, они где?

– Наверно, курить пошли.

– Черт, они лесбиянки, а я думала, такое только в эротических фильмах.

– Ага, фильмы, – хмыкнула проводница. – Мужиков нет, вот бабы и взбесились. Я сразу поняла, что это лесбы, они всю дорогу друг около друга ходили, сегодня, видите, сговорились наконец.

– А я-то думала, Наташа на кавказцев запала...

– Одно другому не мешает, – усмехнулась проводница. – Кстати, меня Таня зовут.

– Ника, – Ника приподнялась на локте. – Ох, я же там, в коридоре, прямо на ковер...

– Уберу, успокойтесь, сейчас таблетка подействует, в сон сильно будет клонить, вы спите, а ваших попутчиц я в свое купе посажу, пусть там обжимаются. Кстати, у вас же билет на нижнюю полку, почему наверх лазите, это не с вашей комплекцией.

– Да, все стараюсь угодить ближним, – Ника усмехнулась.

– Всем не угодишь, – усмехнулась и Татьяна. – Угодиловка заболит. Ладно, пойду, но буду иногда заглядывать, смотреть, как себя чувствуете. А приедете в К., обязательно врачу покажитесь, гипертония – дело нешуточное.

– Я к подруге еду, в смысле, к нормальной подруге... Она поможет.

– Хорошо.

Ника полежала, ощущая приятный холод полотенца и нежную опустошенность, и не заметила, как соскользнула в сон. Он был спокоен и тих, и утро словно было его продолжением в реальности – когда Ника проснулась, то увидела проносящиеся за окном ряды заснеженных сосен и кедров, и бесконечные снеговые полотна.

– Настоящая зима, – прошептала она, улыбаясь. – А ведь только октябрь! Дома еще слякоть и лужи, а тут этакая красотища!

Она взяла свой несессер и отправилась умываться. От вчерашней болезни словно и следа не осталось, тело налилось бодростью и каким-то азартом существования и, повинувшись этому азарту, Ника вымыла и вытерла салфетками заляпанное зеркало в туалете – она вообще терпеть не могла заляпанные мыльными брызгами зеркала. Всё доставляло смешную и первозданную радость: едкая мята зубной пасты, медовый аромат мыла, морозный воздух со снежной крошкой, врывающийся в приоткрытое окно туалета. Возвратившись в купе, Ника переоделась в платье, приготовленное на первый день пребывания в К. Вдруг захотелось яркости – не запланированной, а спонтанной. Она сделала макияж, взбила волосы и, пересчитав наличность, отправилась в ресторан. Потом вернулась. В одной из ее дорожных сумок, на самом дне, между страницами журнала «Библиотечное дело» был приклеен скотчем конверт с двенадцатью пятидесятичными купюрами – она заняла эти деньги, чтобы в К. была возможность погулять с подругой по музеям и кафе. Ника оторвала полоску скотча, достала одну купюру – на всякий случай. Потом, повинувшись опять-таки непонятной спонтанности, свернула журнал и вместе с конвертом сунула в сумочку, а пусть будет поближе, под рукой!

Зашла к проводнице. Таня пила чай и приветственно взмахнула рукой:

– Сегодня выглядите лучше!

– Да, Таня, спасибо вам, ваша таблетка прямо чудо сотворила.

– Чаю хотите?

– Я в ресторан схожу, просто зверский голод напал, тут надо борща и котлет, а не чая.

– Попутчицы ваши тоже там, чумовые девки, скажу вам. Но вы на них внимания не обращайтесь.

– Не буду.

– Через два часа будет Ковылкино, там стоянка целых шесть минут, можно сойти, по снежку потоптаться, да еще бабки тамошние такие пирожки с картошкой продают – жизнь отдашь!

– Ковылкино? Название какое смешное для города.

– Да, это не город, поселок городского типа, большой. И звероферма там неподалеку. И леса глухие кругом на сто верст. Собственно, поселок от станции в двадцати километрах, сразу за озером.

Слова «Ковылкино» и «звероферма» отделились в сердце Ники чем-то теплым, пушистым, словно воспоминание детства. И вдруг она рассмеялась:

– Ну, надо же! У меня в детстве любимая книжка была «Недопесок», Юрий Коваль написал. Там как раз деревня Ковылкино и звероферма тоже сеть, «Мшага» называется. Значит, они действительно существуют! Чудеса! Может, около станции и песцы бегают?

– Песцы-то вряд ли, вот бабки с пирожками и солеными огурцами, с морозным укропчиком – это точно!

– Красота! Обожаю соленые огурцы, накуплю килограммов пять и буду есть всю оставшуюся дорогу! С пирожками! Обещаю с вами поделиться.

– Спасибо. Ну, вы идите, завтракайте, а как будем подъезжать, я вам дам знать.

В ресторане свободный столик оказался в самом непрезентабельном месте, а когда Ника за него уселась, выяснилось, что возле солонки лежит, трогательно задравши лапки, крупный дохлый таракан. Ника сначала хотела возмутиться, а потом достала из сумочки блокнот и ручку и принялась зарисовывать таракана, бросая на него умиленные взгляды. Через некоторое

время она поняла, что практически вся публика вагона-ресторана отвлеклась от скучливого поедания экалопов и яичниц и смотрит на нее с неподдельным интересом. Тогда она принялась декламировать – негромко, но с выражением:

*То не беда, что ты хулы предмет!
Прекрасное рождает осужденье.
Ведь красоты без темных пятен нет.
И в чистом небе ворон реет тенью.*

*Будь ты хорош, и грязный яд злословья
Поднимет лишь тебя в глазах людей.
Ведь червь грызет с особенной любовью
Сладчайший цвет. Ты ж – цвет весенних дней!*

*Ты пережил соблазны юных лет,
Нетронутый иль свергнув нападение,
Но этим злейший возбудил навет
И дал ему свое утроить рвенью.*

*Когда бы он тебя не искажал,
Мильон сердец к твоим ногам бы пал.³*

Когда Ника закончила драматическую декламацию, ее даже испугала ватная тишина в ресторане. Потом кто-то из мужчин кашлянул, звякнула пробка о горлышко графина, а к Нике подошла официантка:

– Э-э, заказывать что будете?

– Яичницу, бутерброды с маслом, кофе с сахаром и без молока. Да, и погребальную урну вот для этого бедняги. Желательно из малахита.

Официантка глянула на таракана, смутилась и махнула тряпкой:

– Извините.

– Ничего, – улыбнулась Ника, поражаясь бешеному току эндорфинов в собственной крови. Откуда это?

– Я сейчас все принесу. А чьи вы стихи читали? Свои?

– Увы, нет. Я замахнулась на Вильяма нашего Шекспира.

– А-а, – официантка удалилась, пораженная этим культурным феноменом.

Ника посмотрела в угол, где сидели Наташа и Маргарита. Они поглощали нечто салатобразное и лица имели бледные и раздосадованные. Любовь зла, даже когда ненормальна, вздохнула Ника. Потом поймала себя на том, что глупо улыбается всему ресторану и всполошилась: что с нервами, почему настроение такое лабильное? Права, права была ее психотерапевт, дама мудрая и практикующая тибетскую гимнастику: рано Нике отказываться от антидепрессантов, это может отозваться такими последствиями, что ой-ой-ой. И вот доказательство: вчера загибалась в крендель, а сегодня откуда вся эта эйфория? От таблетки проводницы? Вряд ли...

К столику подсело молоджавое существо неопределенного пола и прогнуло:

– Угостите сигареткой!

– Не курю, – стерла улыбку Ника. – И вам не советую, рано постареете. А стареть грустно.

---

³ Уильям Шекспир. Сонет 70. Перевод М. И. Чайковского.

– С-сука, – констатировало существо. Помяло пальцами край скатерти, словно хотело ее сдернуть, но тут подошла официантка с подносом, цыкнула на вредоносную тварь, и оно уползло, скуля невнятные ругательства.

– Приятного аппетита, – сказала официантка. – Стихи классные.

– Thank you, sir William, – пробормотала Ника. – This breakfast with you was amazing.

Покончив с завтраком и нездоровыми размышлениями по поводу лабильности собственной психики, Ника вернулась в купе и попыталась сделать несколько снимков бесконечных лесов за окном. В ней возникла дрожь неизвестности, скорее всего, это было связано с тем, что поезд был совсем недалеко от загадочной станции Ковылкино. Так странно, подумала Ника, неужели история, сочиненная неопределенным писателем и много раз пережитая ею в детстве, имеет реальное место на земле, среди этих снегов и сосновых боров? Дошкольник Серпокрылов и прекрасная девочка Вера Меринова давно ушли на пенсию и, возможно, спились или подались в цивилизацию на заработки... Нет, не надо так безнадежно! Ласковые впечатления детства пусть такими и останутся, а сегодняшний день скрасится прогулкой по первому снегу, покупкой соленых огурцов и пирожков с картошкой и ожиданием грядущего завершения путешествия.

Через некоторое время проводница заглянула в купе:

– Подъезжаем, стоянка шесть минут, не забудьте!

– Да, – кивнула Ника.

...Когда она ступила гладкими подошвами своих осенних сапог на хрусткий ковылкинский снежок, когда вдохнула в грудь морозную крепость, настоящую на ароматах кедровой смолы и далеких печных труб, когда обняла взглядом светлую неохватность открывшегося мира, сердце зашло и рванулось навстречу станционному домику, выкрашенному в розовый цвет, темной ленте деревьев, небу, расписному, как блюдо гжели.

– Ура, – прошептала она. – Ой, какое потрясающее ура!

Ее душа словно увеличилась в размерах, и чтобы унять ее нетерпеливый звон, Ника смахнула крышку с объектива камеры, выставила программу и принялась снимать все, что попадалось в видоискатель. Она бегала по станции с восхищенным писком и остановилась только тогда, когда в поле зрения образовались две крепкие бабульки в овчинных полушубках, пуховых платках и валенках с галошами пятидесятого примерно размера. У каждой бабульки имелись детские саночки, на которых стояли эмалированные ведра, заботливо закутанные теплогрейками.

– Ой, здарсьте! – взвизгнула Ника. – А что это у вас в ведрах-то?

– Дак, пироги, милая, с рыбой, с капустой, с картохой, с помидлой клюковной...

– Ой, мне всяких и побольше! Почему просите?

– А по полтиннику штучка. Ты, дочк, не гляди, что дорого, у нас пироги знатные, здоровые, что твой батон французский.

– Я беру, беру, – торопливо вытащила кошелек и пакеты Ника. – Вот, вы мне на тыщу рублей дайте и вы тоже.

Старицы деликатно приняли тысячные купюры, крикнувши, оглядели их на просвет, припрятали и раскутали ведра. Из ведер пахло таким ароматом свежей выпечки, что Ника всплеснула руками, не в силах словами выразить восторг.

Ведра были воистину с особым ковылкинским секретом, поскольку пироги (каждый размером с хороший мужской ботинок) оказались горячи, ноздрясты, мягки, блестели корочкой румяной и убивали грехом чревоугодия наповал. Переметав четыре десятка пирогов в Никины пакеты, старушки прищурились, наблюдая за тем, как проезжая горожанка, не в силах устоять перед искушением, впивается крашеным ртом в первый пирог и издает приглушенный вопль блаженства.

– Это тебе, дочк, не гэмэо, а продукт натуральный, ковылкинский. Добром не раз помянешь бабу Матрену да бабу Настасью.

– Помяну, – прочавкала Ника и вспомнила: – А огурчика солененького купить у вас негде?

– Огурцы у нас Варька Соломатина продает, знатные. – Она за вокзалом сидит, тамочки, потому как безногая и на перрон ей никак не подняться. Поди, поторгуйся, не пожалеешь!

С пышущими жаром пакетами Ника кинулась за вокзал (одно название, конечно, что вокзал, изба-пятистенка беленая, вот и все). Правда, успела снять Матрену и Наталью с ведрами на фоне ярчайшего неба, здорово получилось.

И впрямь, за вокзалом имелось нечто вроде низенького прилавочка, возле которого в инвалидном кресле сидела сухонькая Варька Соломатина и десницей указывала на туюски, бодро пахнущие соленным укропом и чесноком.

– Огурчиков, милая, – позвала она Нику. – Недорого у меня.

Еще одна тысяча азартно вылетела из кошелька Ники. Варька так обрадовалась, что продала и туюса тоже – на память о Ковылкино.

– Спасибо вам, – Ника почти плакала от счастья исполненности жизнью, так было всё вокруг радостно, празднично, умилительно, словно в этот ноябрьский день Пасха зазвенела сотнями колоколов. – Я вас никогда не забуду! Еще бы песца здешнего увидеть – и вообще красота!

– Откуль ты про песцов-то наших знаешь, милая? – шепотком спросила Варька. – Водятся ведь у нас тут.

– Читала, давно, еще в детстве, – рассмеялась Ника. – Звероферма у вас, «Мшага», песцов разводят.

– И дикие тоже попадаются, промышляют мужики-то наши. Песец-то наш не чета вашим огрызкам городским, как есть полотно серебряное! Погляди-ко...

Варвара проворно приподняла одеяло, укрывавшее ее культи, и достала что-то вроде гигантского ридикюля. Кляцнула стальным замком, ридикюль раззявил пасть, и в этой пасти вмиг упруго вспухло серебряно-платиновое, дымно-морозное, дивное, невыразимое, что и шкурой-то меховой назвать кошунственно.

– Внучок мой, Колька, этого трехлетка подстрелил по сентябрю. Гляди, краса какая! Потяни-тко из сумы его.

Ника дрожа, потянула мех на себя, и он податливо, гладко пошел, и все длился и длился, будто песец, расставшийся с ним, был огромен, как какой-нибудь мифический Левиафан.

– Баб Варь, – прошептала Ника. – Да разве найдутся деньги за такую красоту!

– Тебе недорого отдам, – вздохнула Варвара. – Десять тыщ давай, и он твой.

Ника уголком сознания понимала, что опять завертел ее безумный вихрь приобретательства, что это неправильно, что дома ждут долги, которые не с чего отдавать, но руки сами полезли вглубь сумки, вынули конверт, отсчитали десятку, сунули конверт обратно, приняли пакет с песцовой шкурой (углом глаза Ника увидела отлично выделанную плоскую мордочку с отлакированным носом), а ноги уже несли на перрон, к тому самому моменту, когда поезд, на котором Ника должна была благополучно добраться в К., вовсю набрал ход и напоследок безжалостно свистнул.

Глава четвертая

Стакан наполовину пуст

Вокруг Ники, потерянно стоявшей на перроне и глядевшей вслед уходящему поезду, как-то сразу образовалось довольно много всякого люда. Люд этот молчаливо рассматривал толстую тетку в расстегнутой куртке, бледную, жалкую, опустившую на землю пакеты, из которых безнадежно выглядывали пирожково-огуречные трофеи. Казалось, люди ждут первой реакции этой неудачницы, опоздавшей на собственный поезд, и оттого, какой будет эта реакция, они и начнут выстраивать свое поведение.

– Песец, – прошептала Ника.

Она прошептала почти это самое слово.

– Какой песец? – опасливо спросила бабка Матрена.

– Полный, – пояснила Ника.

Среди обыденного народа оказался человек в форме.

– Здравьете, я дежурный по вокзалу, вы только не волнуйтесь.

– А смысл? – подняла на него глаза Ника.

Разве вы не видите, что все рухнуло, спрашивали эти глаза с размазанной тушью; разве непонятно, что жизнь, эта подлая стерва, поманив блеском и пряником (в смысле, пирогом), теперь со сладострастьем садиста хлещет кнутом по Никиной спине и душе?

– Пройдемте в помещение, гражданочка. Вас как зовут?

– Ника. Вероника.

– А по отчеству?

– Валентиновна. Хотя меня можно называть просто дурой.

– Вероника Валентиновна, вы не переживайте. Сейчас посидите, успокойтесь, я дам сигнал на локомотив...

– И что, он вернется за мной?

– Нет, конечно...

– Ага. А когда следующий поезд до К.?

Дежурный замаялся.

– Пройдемте в диспетчерскую. Там расписание посмотрим, опять же, сигнал...

Ника поудобнее ухватила ручки пакетов и побрела за дежурным.

– Одно хорошо, – сказала она ему в спину.

– А? – обернулся тот. Был он мужчиной невнятного вида и даже небритость его не украсила. – Чего?

– Хорошо, говорю, что пирогов накупила. В ближайшие сутки-двое с голоду не помру.

Диспетчерская оказалась комнаткой размером с колхозную уборную, но в нее ухитрились-таки втиснуться облупившийся письменный стол, два табурета, титан с горячей водой и алюминиевой кружкой на цепочке. На столе стоял допотопный телефонный аппарат и выключенный компьютер, чью клавиатуру облюбовала довольно-полосатая кошка. Кошка, как ей и положено, спала и на появление людей не отреагировала. Над столом висел портрет Путина, осеняющий президентской дланью пожелтевшие распечатки каких-то бесконечных колонок цифр. Ника поняла, что это и есть расписание поездов.

– Вы разденьтесь, жарко, – посоветовал дежурный. – Вон вода горячая, кофе хотите?

– Да, – Ника удивилась наличию кофе в этой девственной глуши, но потом подумала, что сеть супермаркетов «Villa» наверняка протянула и сюда хищные щупальца.

Из навесного шкафчика дежурный извлек две кружки и банку растворимого кофе. Ника в ответ механически выложила на стол пироги. Кошка, учуяв дивный аромат, приоткрыла глаз и чуть дернула кончиком хвоста.

– А ваша кошка ест пироги? – спросила Ника, удивляясь тому, что в такой момент ее интересуют столь ничтожные вопросы.

– Колбаса-то? Да она все ест, без разбору. Один раз в тормозке принес банку с тушеной капустой – сожрала, паразитка.

– Что ж вы ее держите?

– Дак мышей ловит отменно! Кстати, меня зовут Владимир.

– А по отчеству?

– Николаевич. Но можно без отчества.

Взболтав в кружках кофейный суррогат, они принялись поглощать его, заедая пирогами. Владимир одобрительно крикнул:

– Это хорошо.

– Что именно? Пироги?

– Нет, то, что вы в панику не ударились, хорошо. Я боялся, а вдруг у вас истерика начнется, сердце прихватит, давление там. Нервы всякие. А «скорую» ждать до морковкина заговенья...

Ника усмехнулась:

– Ничего, как-нибудь продержусь. Это же еще не конец света.

– Вот-вот, – обрадовался Владимир Николаевич. – Всегда можно найти выход, из любой ситуации. Вы американский фильм «Гравитация» смотрели? Там вообще космонавт в открытом космосе оказался, женщина к тому же. И ничего, выкрутилась.

Ника допила кофе и посмотрела на распечатки.

– Вы на них не смотрите, – поймал ее взгляд дежурный. – Это прошлогоднее расписание. Новое в компьютере. Сейчас включу. Старая, конечно, техника, но верная.

– А интернет есть? – загорелась Ника. – Я бы письмо отправила подруге в К. насчет опоздания...

– Интернета нету, – вздохнул Владимир Николаевич. – Сотовая связь – и та с перебойми, вышки далеко, кругом тайга. Попробуйте ей позвонить.

Ника достала из сумки мобильник, с надеждой взглянула на экран и тихо помянула песка – сети не было.

– А если через стационарный позвонить?

– Не получится, – развел руками дежурный. – Он не переводится в режим тонального набора. Брысь с клавиатуры, Колбаса!

Кошка невнятно мурлыкнула, видимо, поясняя, что грубо нарушать сон столь полосатой леди – верх неприличия. Тогда Владимир Николаевич непочтенно взял кошку поперек пухлого живота, выдвинул один из ящиков письменного стола и погрузил ее туда. Ника подумала, что он задвинет ящик, но нет, кошка развалилась в нем поудобнее и продолжила спать.

Компьютер запустился как в сказке – только с третьей попытки, и песка поминал уже Владимир Николаевич. Пощелкав мышью, дежурный вывел на экран расписание.

– Смотрите, – сказал он Нике.

Она честно посмотрела.

– А как здесь разобраться?

– Вот, здесь отмечены поезда дальнего следования. До К. идут только девяносто шестой, сто девятый и сто девятнадцатый. Вы ехали на девяносто шестом. Сто девятый пойдет через нашу ветку только через двенадцать дней.

– А... А как же мне быть? И что, других поездов до К. не существует?

– Существуют, – успокоил Владимир Николаевич. – Но это другая ветка, Черемуховская. Областной центр – город Верхняя Черемуха, это от Ковылкино триста километров, по Черемуховской ветке до К. всего полтора суток езды.

– Понятно. А как мне добраться до этой Верхней Черемухи? Какие-то местные поезда есть?

– Нет. Только рейсовые автобусы.

– Бред какой-то. Как можно ехать на автобусе триста километров?

– Нормально, люди ездят.

– Понятно. Как часто ходят эти автобусы?

– Один в пять утра, другой – в шестнадцать двадцать от автостанции Ковылкино.

– Ага. То есть, мне еще надо будет попасть на автостанцию Ковылкино?

– Верно. Но это легко! Вон, за бабкой Варей, ну, у которой вы огурцы купили, ввечеру внук приезжает на машине – домой ее отвозит. Он и вас подвезет до Ковылкино, вы у них и переночуйте. А утром – на автостанцию, автобусом доедете до Верхней Черемухи, там билет купите – и все дела. Деньги-то есть? Или все на наших старух потратили?

– Есть, – Ника принялась судорожно рыться в сумке. – Черт. Кажется, я свой паспорт оставила в поезде. Как же мне продадут билет?

У нее задергалось веко правого глаза – сильно, раньше никогда так не было. Дежурный, видимо, расценил это как грозное предвестие истерики.

– Не волнуйтесь, я вам документ выдам. Справку, официально, с печатью.

– Какую еще справку?

– Что вы отстали от поезда и по этой причине временно лишились документов.

– Спасибо, – через силу улыбнулась Ника. – Извините, а где у вас туалет?

– Возле станции будка, зеленая. Только вы в «Ж» не ходите, там пол просел, идите в «М», все равно никого из мужчин на станции, кроме меня, нет.

– Спасибо. Можно, я оставлю у вас свои сумки?

– Конечно. Не думайте, ничего не пропадет, даже огурцы Варькины.

...Дощатый пол в отделении «М» тоже был не очень надежен. К тому же на нем намерзло все то, что не попало в дыру, которая притом была громадна, как Крабовидная туманность.

– Угораздило тебя, Вероника Валентиновна, – шипела Ника, пристраиваясь над туманностью. – Все бабы как бабы, а ты – идиотка! Коза безмозглая! Осталось еще провалиться в дырку вокзального сортира и день, считай, прошел насыщено!

Однако с дыркой повезло, и Ника вернулась в дежурку без жертв и разрушений. Владимир Николаевич кричал в телефон:

– Верхняя Черемуха, алё! Ковылкино беспокоит, дежурный по станции Мищук. У нас пассажирка, отставшая от поезда, алё! Да ты слушай, черт, а не трещи! Поезд девяносто шестой, Москва-К., вагон... Какой вагон у вас?

– ...Э, восьмой, место одиннадцатое. И паспорт, паспорт я в купе оставила!

– Алё, она без паспорта! Как ей билет купить? – и к Нике, – Спрашивают: серию и номер не помните?

– Нет, – обреченно вздохнула Ника.

Вздохнул и дежурный:

– Не дадут без паспорта билет, теперь с этим строго, сами понимаете, опасаются терактов. Начальство, опять же, может проверку устроить.

– Я поняла, – кивнула Ника. – Можно еще кофе?

Она пила коричневую жидкость и покорно слушала многочисленные советы Владимира Николаевича. Усталость и безразличие навалились на нее неподъемным грузом. В конце концов, дежурный понял, что неудачливая толстуха перешла на другой уровень бытия, хмыкнул и принялся раскладывать пасьянс на компьютере.

Ника вышла на вокзальную площадь. Солнце уходило, и следом уходили мечты о счастливой жизни и прочая чепуха. Вместе с ранними сумерками на площади появилась страшенькая «лада», из нее вылез рослый, крепкоплечий и бородатый отрок в засаленном ватнике и засуетился около бабки Варвары Соломатиной. Ника поняла, что это внук Колька, который добыл песка.

Колька привычно подхватил на руки безногую старушку и уютно устроил ее на переднем сиденье, не забыв пристегнуть ремнем безопасности. Когда он принялся укладывать в багажник складную инвалидную коляску, Ника подошла к нему:

– Здравствуйте, вы Николай?

– Ну, – не удивился тот.

– Меня зовут Ника, я отстала от поезда Москва-К. Пожалуйста, отвезите меня в Ковылкино, я у кого-нибудь переночую, а рано утром с автостанции поеду до Верхней Черемухи, может, удастся купить билет на какой-нибудь проходящий поезд до К. Я заплачу.

– Не в деньгах счастье, – буркнул Колька. – А у кого ночевать-то собираетесь, знакомые у вас, что ли, в поселке имеются?

– Нет, я сама издалека. Пожалуйста, хоть в каком-нибудь сарае, только не под открытым небом спать!

– Само собой, мы ж не звери. У нас и переночуете. Я в полчетвертого утра встаю, мне на работу, заодно вас провожу на автостанцию.

– Спасибо. Вещей-то много у вас?

– В поезде остались, – развела руками Ника. – Даже паспорт с собой не взяла, только сумочка и пакеты с едой, здесь купила.

– Ничего, садитесь.

Ника села под бодрый говорок бабки Вари:

– Вот, Кольк, угораздило же красавицу эту в такой переплет попасть! А ведь я ей песка продала, что ты тогда подстрелил у Митрохиной заимки.

– Красота! – обрадовался Коля. – Знатный песок!

Ника толком не рассмотрела дорогу – стемнело быстро, в окна билась острая снежная крупа и, похоже, крепчал мороз. Она даже задремала и очнулась только тогда, когда «лада» остановилась перед Варькиным домом.

Вместе с Колькой она вышла из машины, дотащила до крыльца коляску и пристроила ее под навесом. Колька внес бабку (входная дверь была не заперта) и устроил ее в манеж наподобие детских ходунков. Сделаны они были мастерски, Ника даже залюбовалась, как споро управляется бабка Варя около печи и плиты.

Большая комната с четырьмя окнами, домоткаными половиками на выскобленных до янтарной желтизны полах, столом и скамьями, беленой печкой, в которой ревел пламя, – была по-своему, экзотически прекрасна. И скоро на плите зашкворчала картошка в чугунной сковородке, запахло тушеной капустой и жареным луком. Ника слотнула слюну, ощущая волчий голод. Похоже, стресс на организм действовал совсем не так, как надо.

За ужином она по просьбе хозяйки кратко изложила свою немудрящую биографию. Правда, не стала говорить, что когда-то была писательницей, отрекомендовалась библиотечаршей.

– И что тебя в такую даль понесло, – покачала головой бабка Варвара. – Подруга, дело, конечно, понятное, но ведь не мужик же она тебе, не жених-полюбовник! Кого ради пуп-то сорвала?

– Баб Варь, – проникновенно сказала Ника. – Еще ни одного мужика, чтоб пуп за него срывать, я в жизни не встретила. Замужем была – крест несла, любить не любила, только мучилась, а мужчина, даже самый bestолковый, все равно чувствует, что ты его не любишь.

– Дешево ты мужиков ценишь, вот что! – вывела баба Варя.

Ника усмехнулась, рассматривая узоры на простеньких ситцевых занавесках:

– Я и себя не очень-то ценю, баб Варь. А подруги... Они добры ко мне просто потому, что я – это я и неважно, какая у меня фигура, прическа и кредитная история. Я к своей подруге еду, да, а на самом-то деле к себе самой, такой, как до замужества была, когда весь мир был в радость и утешение... Спасибо за хлеб-соль, что-то в сон меня потянуло, где прилечь позволите?

– Колька тебе покажет горенку. Ну, заспи, заспи печаль.

Искомая горенка была крохотной комнаткой без окон, оклеенной старыми газетами. Спальное место было на сундуке, покрытом дерматином; Коля еще принес из сеней пахнущую снегом перину и ватное одеяло. Подушку пожертвовала баба Варя.

Выключив свет, Ника быстро разделась и нырнула под одеяло. Она запретила себе думать о том, что где-то в ночи без нее мчится поезд дальнего следования, что она лишилась паспорта, что отец, родной дом и маленький Жам – за тысячи километров от нее. Проваливаясь в сон, Ника услышала, как за стеной люто воет ветер.

Когда Николай разбудил ее, она даже не сообразила сразу, где находится.

– Слушайте, – сказал он, пока Ника продирала глаза. – С ночи метель поднялась, не перестает, это беда.

– Почему беда? – прижала одеяло к груди Ника.

– Дороги, значит, занесло. До Черемухи автобус не пойдет, подождать придется, пока расчистят.

– Сколько ждать?

Коля свистнул:

– А шут его знает!

– Я не могу ждать, – прошептала Ника. – Я должна попасть в К.! А вы можете меня отвезти?

– В такую погоду – нет, – отрезал Николай. – Но, если хотите, можно сходить на автостанцию, может, там частник какой стоит с машиной, подрядится везти.

– Да, отведите меня!

Спешно одевшись и выпив чаю, Ника вышла из дому. И поняла, что раньше просто не знала, что такое метель. Метели в ее родном городе были скромными тихонями по сравнению с той жутью, что бесновалась сейчас вокруг, не давая никакой передышки.

– Видите? – проревел сквозь метель Николай. – Куда сейчас ехать?! Собаку из дому выгнать – и то грех!

– Я должна ехать! – прокричала в ответ Ника.

Николай несвязно чертыхнулся и крепко взял Нику за руку:

– Охота была голову ломать! Идемте. Песцовый ворот только жалко – пропадет вместе с вами!

Добрались. Она узнала автостанцию по выстроившимся в ряд заснеженным автобусам. Под хлопающим на ветру железным навесом притулились несколько «газелей» и легковушек.

– Ну, – указал на них Николай – Пошли, спросим!

Собственно, спрашивать было не у кого, все машины оказались пусты. Только одна – крепкая по виду иномарка – светила изнутри.

Николай постучал в стекло со стороны водителя:

– Эй, живые есть?!

Стекло опустилось на пару сантиметров, и Ника увидела неясный силуэт головы в шапке-ушанке:

– Чего? – спросила голова.

Николай прокричал:

– Вот, ей надо срочно в Верхнюю Черемуху, а автобусы не пойдут из-за метели. Свези, брат!

– Я заплачу! – традиционно пообещала Ника.

– Вы оба с кедра рухнули, чё ли? – голова вместе со всем остальным выбралась из машины и оказалась рослым и сердитым мужчиной. – Тут никаких денег не хватит!

– Пять тысяч рублей, – сказала Ника. – Плюс песцовый воротник!

– Не, ну какие бабы пошли, а! – развел руками водитель. – Думают, всё за деньги можно купить! Черт с тобой, садись, вещи где?

– Я от поезда отстала, вещи там.

– Ты точно без башни. Пять тыщ вперед. Песца потом отдашь. Натуральный хоть, не врешь?

– Он подстрелил, – Ника указала на Николая. – И выделал сам.

– Ладно, бывай, – хлопнул ее по плечу тот. – Счастливой дороги!

И пропал в метельной мгле.

– Садись, – хмуро буркнул водитель. – Зовут как?

– Вероника.

– Андрей, – отрекомендовался мужчина. – Имейте в виду, каждую сотню километров буду делать остановку, я вам не Терминатор – без отдыха переть.

– Хорошо.

– Я буду курить.

– Хорошо.

– Материться.

– Ладно.

– Если справить нужду – далеко от машины не отходите. По салону не бегать, «Опустела без тебя земля» не петь, с разговорами не приставать. Всё ясно?

– Да.

– Садитесь.

Ника пристегнулась, потом порылась в сумке и вытащила очередную купюру:

– Вот, возьмите, мне главное – поскорее в Черемуху попасть, а там я возьму билет на поезд до К. Может, продадут без паспорта...

Машина глухо взревела и рванула с места, будто гоночный болид. В такую метель это было равносильно самоубийству, но Ника молча вжалась в кресло и вознесла краткую молитву о спасении путешественников.

И ей стало казаться, что все происходящее – не более, чем сон. Метель, чужие края, чужие люди, вечное одиночество, собственная потерянности и собственная жизнь. Была только странная боль, как бывает, когда рушатся надежды и предаются мечты или лучшие друзья.

Светало. Метельные хлопья, белыми ртами целующие стекла машины, стали бледней. Натужно шипящие «дворники» расчистили ветровое стекло так, что стала хорошо видна дорога и бесконечные ряды заснеженных деревьев. Серое, белое, черное – мир был выдержан только в этих красках. Ника поняла, что не худо было бы перекусить, и полезла в пакет за вчерашними пирогами. Даже холодными они сохраняли свою мягкость и румянец, однако, нащупав нечто теплое и завернутое в тряпку, Ника извлекла прощальный и тайный подарок бабки Варвары, а может, это вовсе Николай постарался.

Развернув выцветшую байку, Ника обнаружила закопченный чугунок, полный горячей отварной картошки, политой маслом и посыпанной размягчившимся укропом.

– Красотища-то какая! – прошептала она.

Андрей искоса глянул на нее:

– Хорошо вас кормят, однако!

– Это баба Варя, – пояснила Ника. – Я у нее переночевала, добрая женщина. Хотите перекусить?

– Нет, я не голоден.

– Тогда я одна.

Ни ложки, ни вилки не было, но Ника приноровилась ухватывать картошку пальцами. Давно не едала она такой вкусноты – картошка, продававшаяся в супермаркетах Никиного города, должна быть объявлена биологическим оружием первого уровня опасности после вкушения такого-то чуда! Лишь опустошив две трети чугунок, Ника поняла, что пора остепениться. С сожалением спрятав свой тормозок, Ника сентиментально проговорила:

– Свою новую книгу я посвящу бабке Варваре!

– А вы что, писательница? – спросил Андрей и закурил. Дым его «Уинстона» исчезал в щели бокового стекла. – Нет, серьезно?

– Куда уж серьезнее. Двадцать с лишним книг в жанре иронической фэнтези, десять лет каторжного труда!

– Что ж вы делаете в такой глуши? Сами-то небось из Москвы?

– Нет, но почти. Я ехала к подруге в К., но пока не доехала.

– Голову надо иметь, – проворчал водитель. – Нечего из поезда выскакивать почем зря.

– Ничего, – Ника вдруг преисполнилась оптимизма. – Это даст мне материал для новой книги. Так романтично! Героиня, потерявшись в глуши, едет на попутной машине и, пообщавшись с водителем, понимает, что он ее судьба.

– Э-э, вот этого не надо!

– Да вы не волнуйтесь, уважаемый! – рассмеялась Ника, надеясь, что ее смех звучит завлекательно, а не напоминает карканье. – Это всего лишь вольный полет фантазии.

– А подруга ваша тоже... такая же?

– Да, мы с ней соавторы, – легко солгала Ника. – Вместе написали книгу, получили за нее премию, теперь я еду к ней отдохнуть. Из К. мы хотим махнуть в Китай – я всегда об этом мечтала.

– Большая, видать, премия...

– Не жалуюсь, – кивнула Ника.

И внутренне задала себе вопрос: какого, спрашивается, черта она столь изощренно лжет? Какой смысл в этой лжи, наслоившейся на другую ложь, умножаемую до семижды семидесяти раз? Это все потому, зло решила Ника, что тебе, дура, хочется выглядеть круче и интересней, чем ты есть на самом деле. В реальности ты глупая и вздорная толстуха-неудачница, которая по-настоящему нужна только кредиторам, поэтому и врешь столь виртуозно. Ну-ну, толку-то от этого вранья. Водила еще решит, что ты везешь в своей сумке миллионы и пристукнет тебя посреди этой глуши. И труп в лесу прикопает. Под ближайшей сосенкой.

Ника опасно покосилась на Андрея. Пока он не производил впечатления человека, готового проломить ей голову монтировкой. Но на всякий случай лучше заткнуться. Ника крепче прижала сумку к груди и притихла. А на водителя вдруг напала разговорчивость.

– О чем книгу-то написали? О любви небось?

– Нет. О смерти. И еще о смысле жизни.

– Ну и в чем смысл?

– В этом вопросе мы не договорились. И каждый читатель должен решить это для себя сам. Смысл для каждого свой.

– Во-во. Я, пока помоложе был, тоже все смысл искал. А потом понял: нету никакого смысла, живем – небо коптим, за кусок жратвы дерем. Чтоб кусок был послаще, надо денег побольше, значит, смысл – денег добыть. Не добыл – сдох в конуре, урвал кус – живешь с удобствами. Простая политика.

– Это да.

– Вот ты, – Андрей мотнул головой. – Ради чего книжки пишешь? Какой в них смысл? Прежде – денег заработать, потом – прославиться, а значит, – опять денег срубить с поклонников. Верно?

– Верно, – Ника вздохнула. – Но хотелось бы не только денег и славы...

...И тут же ей вспомнился один литературный вечер в библиотеке. Героями вечера были поэты и прозаики из ближнего провинциального городка. Путем обивания порогов госчиновников, призывов к меценатам и спонсорам, сложных финансовых манипуляций им удалось издать практически за свой счет литературный альманах. Назывался альманах претенциозно – «Новый ковчег», насчитывал полтора десятка имен авторов, известных не дальше порога своего дома и имел тираж тридцать семь экземпляров. Рассматривая липкий от некачественной краски альманах, Ника размышляла: чего ради была проделана вся эта работа? Понятно, каждый мученик пера и ноутбука хочет опубликовать свои произведения, но почему за свой счет?! Смысл?! Все равно, что фрезеровщик будет платить государству за то, что изготавливает для того же государства всякие шарики-подшипники. Тут возник следующий вопрос: если произведения публикуются за средства автора, может быть, в этом вина собственно опусов? Понятно, что в свое время «Моби Дик» и картины Ван Гога считались верхом бездарности, и их создатели при жизни не получили за свою работу ни гроша, но сомнительно, чтобы те же «новоковчеговцы» хоть отдаленно обладали дарованием подобного уровня. В свое время крепко ударившись о поэзию Пастернака, Рильке и Рембо, Ника прежде всего в чужих ямбах и анапестах искала некое «зерно пламенного растения – чуда», когда строфа или катрен бьют в душу с силой раскаленной чугушной молнии, и потом весь день болит голова от сознания собственной никчемности перед чужой гениальностью. Она несколько лет входила в состав жюри городского конкурса молодых поэтов «Ступени» и разочаровывалась снова и снова, читая нечто натужное, пустословное, глупо-наивное. «Новоковчеговцы» молодыми отнюдь не были, однако стихи их так же скрипели, как колеса несмазанной телеги, ударялись то в напыщенно-кондовую русофилию, то в глубокую философию на мелких местах, то в сентиментальную лирику, тягучую и приторную, как вареная сгущенка.

...Слово взял весьма пожилой «новоковчеговец», поэт и эссеист Вилен Водопьянов. Был он, видно, глуховат, поэтому говорил громко, чеканно и довольно агрессивно. Бегло описав текущую ситуацию в литературной жизни России вообще и родного города в частности, он принялся крушить и клеймить. В число сокрушенных и заклеянных попали «пошлые дамские детективы», «сатанинская фэнтези», «тупые боевики» и, само собой, «омерзительная эротика». Досталось всем авторам (фамилии, правда, не назывались), которые творят ради денег, а не для возрождения «Русской идеи», духовности, национального самосознания, исторической парадигмы и прочих симулякров. Меж тем, как они, смиренные «новоковчеговцы» сохраняют и продолжают в своих непризнанных шедеврах традиции высокодуховной поэзии и прозы; сердца их истекают кровью, видя, как идет нравственное разложение российского народа, как повсюду, из всех СМИ льется пошлость, масскультура, воспевается нравственное уродство, потребительское отношение к жизни и уход от реальности в дурманные чащи интернета. Мощная была речь, словно говорил не неопрятный желчный старик в засаленном кителе железнодорожника, а гигант литературной мысли, коему под силу стереть в моральный порошок даже непотопляемого Никиту Джигурду (который кстати, был *особо* помянут как образчик абсолютного культурного обнищания нации).

Насчет Джигурды (мир хне и бижутерии его!) Ника была согласна. Но пустить под откос все собственное творчество и ощущение мира она тоже не могла. Тем более, что ее книжки не подходили ни под одно из определений, данных Виленом Водопьяновым. То есть, предполагается, были такого уровня бездарности, что о нем даже говорить непривычно.

Потом поэт читал стихи. В основном – плач Ярославны мужеского пола над погибающей под игом масскультуры российской самобытности. Также имелись стихи, приводящие на

память евангельскую притчу о мытаре и фарисее, ибо суть их сводилась к сентенции: «Благодарю Тебя, Боже мой, что я не таков, как прочие пииты, борзописцы, колумнисты, рецензенты и эссеисты! Пишу верлибры два раза в неделю, бесплатно раздаю десятки тысяч советов начинающим авторам!» Поэту аплодировали, но Ника заметила, что некоторая часть публики, в основном местная интеллигенция, от которой проку не больше, чем от перекидного календаря в солярии, сидит и перешептывается, брезгливо-завистливо поджимая губы.

Когда же следующий «новоковчеговец» завел пятистопную волынку любви к родным и несчастным простором, с места вскочила дама, которую Ника знала, как сущую занозу в седалищах всех редакторов местных СМИ. Дама, клацнув очками, направила на поэта обвиняющий перст и вскричала:

– Вы лицемеры!

Повисло неуютное молчание, как бывает, когда в переполненном лифте вдруг запахнет анонимным кишечным выхлопом. Поэт спал с лица и переглянулся с коллегами:

– Простите... Что вы имеете в виду?

– Для начала я представляюсь. Марианна Бакланюк, доцент кафедры исторического краеведения, заместитель главного редактора альманаха «Приокские звезды». Как человек, напрямую занимающийся литературно-издательской деятельностью, я утверждаю, что вы добились публикации вашего, так сказать, альманаха только путем лицемерного благоговения перед администрацией вашего города! Вы их подкупили!

– На каком основании вы это заявляете?! – взвизгнул Вилен Водопьянов. – Это наглая инсинуация! Мы омыли своим потом и кровью каждый рубль, вложенный в издание этого сборника! Мы действовали абсолютно бескорыстно, только ради сохранения и поддержания традиций великой русской классики!

Леди Марианна поморщилась:

– Лучше назовите размер взятки, которую вы сунули вашим чиновникам от культуры!

– Безобразие! – возопила «новоковчеговская» дама, напоминающая миниатюрное чучелко геккона. – Да как вы смеете! Для издания этого сборника мы тратили свои собственные деньги, отказывая себе во всем! Неужели вы не понимаете, что только благодаря изданию подобных альманахов и остается на высоком уровне русская литературная традиция!

– Да что вы заладили: «традиция, традиция»! Это просто смешно!

Все загалдели, засуетились, словно включилась пожарная сигнализация. «Новоковчеговцы» сидели красные, как маки, и нервно переглядывались. Ника поняла, что следует спасти ситуацию, подняла руку и выкрикнула:

– А можно вопрос?

Голос от природы Ника имела зычный и мощный, да и годы пения в церковном хоре не прошли впустую. Так что галдеж поунылся, люди стали оборачиваться на нее, и Ника невольно поежилась: противно оказываться в центре столь пристального внимания. Но в то же время ей, как Павке Корчагину, хотелось сыпануть ехидного коммерческого табачку в пресное тесто хранителей русской традиции.

Один из них взглянул на нее благосклонно и изрек:

– Пожалуйста, мы внимательно слушаем.

Ника встала, понимая, что сейчас все смотрят на нее, и пожалела, что надела серое платье. Надо было изумрудное с черными кружевными вставками; в нем она похожа на Медной горы Хозяйку предклимактерического возраста.

– Меня зовут Ника Перовская, я сотрудница этой библиотеки, но кроме того, я еще и писатель. Коммерческий писатель. Десять лет я писала книги в жанре фэнтези для одного из московских издательств, они выходили хорошими тиражами, я получала гонорары...

При слове «гонорар» лица Вилены Водопьянова и Марианны Бакланюк стали напряженными и чересчур внимательными.

– Я хочу спросить: почему вы уверены, что именно вам дано право хранить и продолжать русские традиции? Почему вы считаете, что коммерческие писатели их не хранят и не продолжают?

– Это легко объяснить, – голос у дамы-геккона был одновременно шипящим и визгливым, такая вот странность голосовых связок. – Вы сами сказали, что пишете ради денег! Но это неправильно! Все великие русские писатели были бескорыстны и творили ради высшей идеи, во имя истины, добра и красоты! Когда человек не думает, сколько ему заплатят за стихотворение или рассказ, он творит, основываясь на высоких мотивах! В то время как вы корыстны и продажны, вам наплевать, что ваши книги испортят литературный вкус подрастающего поколения, вы преследуете сиюминутные цели – урвать кусок пожирнее!

– А разве вы не урвали бы кусок, если б вам его предложили? – усмехнулась Ника. – Разве неправильно – профессионально делать работу и требовать за нее соответствующее вознаграждение?

– Существование творческой личности несводимо к одному только поиску заработка! – непреклонно заявила Марианна Бакланюк. – Писать ради денег – невыносимо пошло! Есть высшие мотивы для творчества!

– Подскажите, какие, – Ника заметила, что коллеги тоже смотрят на нее с брезгливым ужасом.

– Ну, – помедлила леди Марианна. – Просвещение современников, например.

– А если современники не хотят просвещаться? Если они хотят отдохнуть за легким романчиком, чтоб не забивать голову? И им пофиг все эти милые родины, родники-поля-леса, вечные ценности и прочая белиберда?

– Как вы смеете, хищница, – скорбно возгласила дама-геккон. – Вам должно быть стыдно! У вас нет ничего святого!

– Это да, – кивнула Ника. – Точно нет.

– Вы хотите сказать, – поднялся с места Вилен Водопьянов, – что вы не патриотка?

– Да, я не люблю Россию, – кивнула Ника. – И я не боюсь в этом признаться. По-моему, ненормально восхищаться русскими березками и не замечать, как эти березки вырубают ради строительства очередного супермаркета. Или автостоянки.

– Именно из-за таких, как вы, – завопила Марианна Бакланюк. – Березы и срубают! И строят всякие... злачные места!

– Да, вы правы, – кивнула Ника. – Знаете, я заметила одну интересную тенденцию: ни одного современного российского писателя-фантаста невозможно назвать патриотом, даже с натяжкой. Во многом это обусловлено принципами жанра: фантастика рисует прежде всего иные миры. Но не странно ли, что люди готовы читать о родине Волкодава, чем о каком-нибудь Скотопригоньевске, где очередной Смердяков разможил голову очередному Карамазову? Поймите, патриотизм сейчас, скорее атавизм, только не все могут сказать об этом так же свободно, как я. Повесить на сумку георгиевскую ленточку – это не патриотизм и писать проникновенные стихи о нашем славном прошлом – тоже.

– Тогда, что же, по-вашему, есть патриотизм?

– Ну, хотя бы бесплатно убираться в собственном подъезде, не дожидаясь, пока на эту работу наймут узбечку или таджика.

Ника села, ощущая себя центром звенящей от ярости тишины.

Некоторое время царило молчание, а потом Вилен Водопьянов сказал:

– Пусть она выйдет. Или уйдем мы.

К Нике подошла заведующая читальным залом и тихо сказала:

– Ты чего творишь? Ты сдурела? Иди на абонемент, а то они взорвутся от злости.

Все это она вспоминала, пока машина мрачного Андрея мчалась сквозь метельную круговерть. В машине было тепло, Ника осоловела и с благодарностью погрузилась в сон, исце-

ляющий от всех неприятностей и болезней. Поэтому она не видела, как из снежной пелены навстречу им вырвалась потерявшая управление фура и снесла машину Андрея с откоса, легко, как стирают пыль с зеркального стекла.

Глава пятая

Стакан наполовину полон

Гениальный и кроткий, мудрый и всепрощающий Борис Леонидович Пастернак сидел за хлипким столиком в фойе библиотеки и раздавал всем желающим экземпляры «Доктора Живаго» с автографом. У него было лучистое лицо, как у пророка Моисея, сходявшего с горы Синай с каменными скрижалями, и Ника боялась прямо взглянуть на своего кумира. Не чуя ног, она подошла к столику и поклонилась в пояс автору «Спекторского».

– Что тебе, чадо? – ласково спросил Борис Леонидович. – Книгу мою?

– Да. И еще билет в будущую жизнь!

– Я не раздаю билетов, – лицо Бориса Леонидовича стало грустным, – Но я знаю того, у кого билет можно получить.

И он достал из-под стола небольшую клетку с морской свинкой дивной красоты:

– Это Эклерчик, самый умный свин на всей земле. Попроси у него счастливый билет.

– Прямо так и попросить?

– Именно.

Ника наклонилась к клетке:

– Уважаемый Эклерчик, дай мне самый счастливый билет, ты же умный и добрый!

– Дать-то могу, – сказал Эклерчик ворчливо. – Но ведь ты же все профукаешь в один миг! Ты же жить не умеешь!

– А ты мне дай такой, чтоб я и не профукала, и жить научилась.

– За него придется заплатить.

– Я заплачу. Сколько?

– Три миллиона долларов по нынешнему курсу.

– Ой, многовато!

– Так ведь и билет-то такой – один на всем свете! Ладно, уступлю за полтора мильёна.

Или даже за мильён сто пятьдесят. И пакетик сладкой кукурузы.

– Все равно много, тем более, что я в долгах...

– Что с тобой поделаешь, бери уж, деньги потом отдашь. Вижу, нуждаешься ты здорово.

Эклерчик покопался в подстилке клетки и вытащил крошечную бумажную полоску.

– На, – буркнул он. – И помни мою доброту.

Глядя на невесомую бумажку, легшую в ладонь, Ника почувствовала, что кожу как будто покалывает статическим электричеством. Она качнула рукой, и бумажка превратилась в волшебный фонарик мечты с огоньком внутри. Фонарик рвался вверх.

– Загадай желание, – посоветовал Борис Леонидович. – Только вслух не говори, а то не сбудется.

Ника загадала и отпустила фонарик. Он взмыл в небо, потому что вокруг уже была не библиотека, а сосновый бор. Борис Леонидович улыбнулся:

– Девочка моя, послушайте старого поэта: не все, что любим, стоит любви, и не все, что ненавидим, стоит ненависти.

– Почему?

– Мне так жаль вас.

– Почему? – повторила Ника.

– Если бы я знал ответ на этот фундаментальный вопрос бытия, мне бы досталась еще одна Нобелевская премия. Но увы. Я хочу поблагодарить вас.

– За что?

– Вы добры ко мне и в поминальных записках часто пишете мое имя. Приятно, когда за тебя молятся.

– Ну что вы... Борис Леонидович, а как там *у вас*?

– «У вас»? Скорее, «у нас». Идемте, я провожу вас в вашу дачу.

– Какую дачу, я ничего не понимаю...

– Идемте, вы все поймете.

Они пошли по усыпанной сосновыми иголками тропинке. Пахло прогретой солнцем землей, спелой земляникой, смолой сосновой, еще чем-то горьковато-терпким, нежным, пьянящим. Ника смотрела на спину идущего впереди гения, и различала каждую нитку в ткани его белой парусиновой куртки.

– Борис Леонидович, – позвала она.

Он остановился и обернулся.

– Скажите, почему в стихотворении «Урал впервые» вы употребили ужасное, громоздкое слово «родовспомогательница»? Разве не было приемлемого синонима? Из-за этого стихотворение просто изуродовано!

– Ах, Ника, не травите душу! Вы же понимаете, теперь это не исправить, и можно только сожалеть. Бесплодные сожаления об утраченных возможностях – вот чем плоха смерть. Запомните это, хотя... уже неважно. Идемте.

Они вышли на опушку, и Ника увидела стройные и бесконечные ряды беленьких дачных домиков, окруженных кустами сирени и жасмина. Сердце будто укололи, и Ника сбилась с шага, поняв, что ей напоминают эти дома.

– Подождите, Борис Леонидович, – взмолилась она. – Я не могу... Мне страшно.

– Бояться нечего, – Пастернак с веселым изумлением смотрел на Нику. – Это всего лишь дачный поселок литераторов, Горнее Переделкино. Я думал, вы уже все поняли.

– Дачи мертвых поэтов... Или бессмертных?

– Смотря с какой стороны...

– Значит, я... тоже?

– Что?

– Мертва?

Пастернак развел руками:

– Ничего нельзя было сделать. Вы получили травмы, несовместимые с жизнью. К тому же, переохлаждение – пока прибыла «скорая», вы почти окоченели...

– Как же так? Это значит, я – *всё*?

– Там, – улыбнулся Борис Леонидович. Улыбка делала его вытянутое лицо сияющим и озорным. – А здесь началась вечность.

– Звучит как оксюморон. Но... А мытарства моей души, а суд? У меня столько грехов! Я должна была попасть в ад!

– Насчет этого я не могу дать вам толковых объяснений. Наверное, у вас здесь хорошие знакомства и связи...

И Пастернак стал в улыбке своей совсем мальчишкой.

– Вы?! Это вы... походатайствовали за меня, да?

– Почему обязательно я? Александр Степанович тоже подал прошение.

– Алек... Грин?! Нет, этого не может быть!

– Ника, вы славный человечек, но вот веры вам явно не хватает. Кстати, вон дача Александра Степановича. Зайдем?

– Ой, я даже не знаю... Неудобно как-то, вдруг он занят...

– Чем? У нас здесь слишком много свободного времени, точнее, свободной вечности.

Он будет рад.

Все дачи были из ошкуренных сосновых бревен, с окнами, украшенными резными наличниками, вокруг которых плелись шпалерные розы и обычные вьюнки с белыми граммофончиками крупных цветов. Заборов между дачами не было, но имелись символические калитки с подвешенными наверху колокольчиками. Зачем калитки и колокольчики, если нет заборов и перегородок, подумала Ника и тут же ужаснулась своему спокойствию: она так непринужденно вошла в этот... загробный мир!

Борис Леонидович звякнул колокольчиком и толкнул калитку. Они вошли, и Ника сразу уловила, что в пределах дачи Грина воздух гораздо теплее, притом пахнет водорослями, морской солью, рыбой, магнолиями и апельсинами... Это потому, что он отдал морю жизнь и талант, подумала Ника.

Дверь дачи открылась, и на пороге появился высокий, худой мужчина с галчонком на плече. Александр Степанович Грин был именно таким, каким Ника видела его на фотографиях в книгах: печальный и пронизывающий взгляд, низкие надбровные дуги, грубо вылепленный, тяжелый подбородок. Он всегда выглядел мрачно, подумала Ника, и умер от рака желудка, испытывая мучительнейшие боли. И при этом творил книги, в которых свет лился с каждой страницы, а слова и целые фразы, подобно алмазному резцу, высекали на душевных скрижалях чувства, надежды самого высшего порядка.

– Доброй вечности, Александр Степанович, – поклонился Пастернак.

– Мое почтение, Борис Леонидович, – поклонился в ответ Грин и сбежал со ступенек крыльца: – Вы привели новенькую?

– Верно, прошу любить и жаловать – Вероника Перовская.

– Доброй вечности, Вероника, – посмотрел на нее Грин.

И улыбнулся.

И Ника подумала, что ради того, чтобы увидеть улыбку Грина, стоило умереть.

– Спасибо, Александр Степанович, – потрясенно прошептала Ника.

– За что?

– Ваши книги... Они... Нет, я не могу это выразить!

– Ай-яй-яй, – насмешливо покачал головой Пастернак. – Представьте себе, коллега, она ведь первым делом раскритиковала мое стихотворение об Урале!

– Я не... – пискнула Ника, пунцовая от стыда.

Пастернак рассмеялся:

– Полно, я не сержусь.

– Ниночка пирог испекла с черешней. Идемте чай пить, а потом осмотрите свою дачу, Ника.

Внутри дача Грина, состоявшая из одной большой комнаты, ширмой, разделенная на две половины, была оклеена веселыми обоями золотисто-алого цвета. Ну, да «Золотая цепь» и «Алые паруса», поняла Ника. А какие обои в даче Пастернака, интересно? Наверно, с видами Уральских гор или февральской Москвы...

Все они чинно расселись за круглым столом, накрытом бархатной скатертью цвета крымского муската. Нина Николаевна Грин, тихая и светлая, разлила чай по чашкам (нежно запахло бергамотом). Потом порезала пирог – пышный, дивно ароматный, румяный. Александр Степанович сказал:

– Спасибо, Ниночка. Как удивительно, что я получил возможность вкушать такое лакомство только *теперь и здесь*.

Нина Николаевна кротко коснулась его руки:

– Полно, Сашенька, ты знаешь, *кого* надо благодарить...

– Да, так будем пить чай.

– Как там поживает русская литература, Ника? – поинтересовался Пастернак. – Что читали в то время, когда вы были еще...

Ника, разомлевшая от божественного вкуса пирога, с трудом возвратилась к действительности. Дожевала последнюю черешенку и выговорила:

– По-разному, Борис Леонидович. В основном, развлекательное чтение. Думать стало слишком трудно и писателям, и читателям. Да и ни к чему нынче метафизические размышления. Смысл бытия стал прост и жесток, а суть счастья – в обретении материального блаженства. И, поверьте, я с этим согласна. Писать нетленные шедевры, когда разваливается твой ветхий дом и на плечи давят пять кредитов, слишком трудно, знаю по себе. И хочется или просто умереть, или заработать столько денег, чтоб все кредиторы разом заткнули жадно вопящие рты!

– Я это понимаю, – грустно ответил Пастернак. – Сам вечно был в долгах, какая была боль – хвататься за любую грошовую работу, лишь бы близкие не умерли с голоду. Как трудно было выдержать. Мариночка вот сломалась, и я повинен в том, что не помог ей в свое время. Бедный, бедный бунтующий ангел, как мне жаль ее!..

– Вы говорите о... Цветаевой? – спросила Ника.

– Да, – кивнул Пастернак.

– Мне так больно за ее судьбу! Убив себя, она просто перешла из одного ада в другой! Как она страдает там – в огненной вечности боли!

– Что вы, Ника... Марина Ивановна здесь, в Горнем Переделкино, вы увидите ее дачу и виноградник, она выращивает прекрасный виноград для нового вина победившего Царства.

– Правда?!

– Совершенная, – улыбнулся Борис Леонидович. – Я вас познакомлю, хотя, когда приходит новенькая, об этом мгновенно узнают все... дачники.

– Кушайте пирог, – подлила всем чаю Нина Николаевна. – Торопиться некуда, Ника, вы со всеми сможете поговорить, всех увидеть, вечности хватит.

– Я думала, – обняла чашку ладонями Ника, чай был приятно горячим, – Мне казалось, что рай выглядит совсем иначе. Там не пьют чай с пирогами, не гуляют среди дач и садов...

– Скажем так, это не совсем рай, – развел руками Александр Степанович. – Это Горнее Переделкино. Вечный приют для пишущей братии.

– То есть, как у Булгакова, вы...

– *Мы*, Ника, *мы*.

– Мы не заслужили света, а заслужили покой?!

– Ну да. И поверьте, этого вполне достаточно.

– И в Горнем Переделкино живут все-все почившие писатели? От Гомера с Софоклом до...

– Что вы, нет, конечно. Приют у каждого писателя свой, согласно писаниям его. Льва Николаевича вы на здешних дорожках не встретите, как ни жаль. Владимир Владимирович, Алексей Максимович – в иных пределах. Всем дано по творчеству и вере. Антики, весьма вероятно, в Аркадии, в которую верили, также и с другими...

– А Пушкин? Он-то здесь? Как-никак, солнце русской поэзии!

– Нет, за него было особое ходатайство, его забрали на лоно Авраамово, вы понимаете, что я говорю, да?

Ника кивнула. Сказала заворуженно:

– Неужели я, за свои однодневные коммерческие романчики, сподобилась такой высокой участи: пить чай с гениями, жить в вечной даче, гулять среди вечноцветущих яблоневых садов? Я ведь просто жалкая бумагомарательница!

– Полно бичевать себя, Ника, – погладила ее по руке жена Грина. – Всё написанное и изданное оценивает Главный Редактор, вы понимаете, *Кто*. Ведь *Он* смотрит в суть и отмеривает не человеческой мерой. Благодарите *Его* и не морочьте себе голову. Я научу вас готовить яблочные оладьи, вот только освоитесь...

– Хорошо. – Ника принялась рассматривать узор на скатерти, был он каким-то ускользающим, словно рисунок абстракциониста: приглядишься – и общий смысл теряется.

Допив чай, гении отправились провожать Нику до ее дачи. Пока они шли, Грин показывал, кто в какой даче обитает. Ника увидела помолодевшую Ахматову, на пару с Николаем Степановичем пикировавшую капустную рассаду на грядках, Осипа Мандельштама в кресле-качалке с газетой (что это за газета, откуда на Небесах газеты, удивилась Ника). Потом навстречу ей выбежал из кустов боярышника великолепный пёс – рыжий пойнтер и сделал стойку.

– Здесь есть собака? – ахнула Ника.

– И не одна сотня, – подтвердил Грин. – В нашем Переделкине такое огромное количество всякого зверья, что мне думается, это *их* рай. Кстати, сей пёс принадлежит Тургеневу, они вместе ходят охотиться. Нет, это не то, что вы подумали, охота здесь сугубо созерцательная. Иван Сергеевич стал писать графику, а натурщиками у него то белки, то кролики, то медведи... В Переделкино смерти нет и никакого насилия тоже.

Ника с замиранием сердца приблизилась к пойнтеру:

– Можно тебя погладить?

Пойнтер взмахнул хвостом, вывалил язык в нежной ухмылке, упал на спину и щедро подставил свой живот для почесывания и ласк.

– Ах, какое ты чудо, как же тебя зовут?

– Его зовут Черныш, – отводя ветки боярышника от лица, на тропку вышел автор «Бежина луга» и «Отцов и детей». Был он в охотничьем костюме, при своей роскошной бороде, кустистых бровях и прицельно-печальном взгляде. Однако вместо ружья он держал в руках лист белого картона и угольный карандаш.

– Доброй вечности, Иван Сергеевич, – поклонилась Ника. – А почему – Черныш? Он же рыжий, как апельсин!

– Наше восприятие цвета слишком условно, вы это постепенно поймете. И потом, мне думается, эта кличка подходит ему как никакая. А вот еще моя Мечта, познакомьтесь с нею.

Под левую руку Ники (правой она неустанно чесала живот Черныша) юрко подлезла удивительной красоты пятнистая такса, фыркнула, ткнулась внимательным носом в ладонь, вильнула хвостом и ревниво тьякнула в адрес Черныша.

– А я... смогу завести себе здесь собаку? – замирая от нежности, спросила Ника.

– Конечно! А хотите, прямо сейчас пойдём на Собачью Лужайку, вот и выберете! Там такая компания!

– Да, да! Пожалуйста!

Путь на Собачью Лужайку Ника не запомнила, потому что почти бежала за взявшим ее за руку Пастернаком. Он был по-мальчишески стремителен, да и Ника старалась не отставать.

Когда они выскочили на Лужайку, Ника поразились тому, что при ясной погоде границы Лужайки окутаны плотным туманом. Потому что она безгранична, поняла Ника. Пастернак сказал:

– Приготовьтесь к тому, что они могут свалить вас с ног от радости.

И трижды хлопнул в ладоши.

Сначала ничего не произошло. Потом туман заколыхался, и на Лужайку, разметывая в стороны высокие стебли травы, стали выбегать собаки. Это было удивительное зрелище, лучше, чем концерт в Ла-Скала или лазерное шоу в цирке Дю Солейль: большие и маленькие, лохматые, гладкие и даже голые, рыжие, черные, палевые, пятнистые, кипенно-белые, собаки мчались, звонко взвизгивая от счастья, переполняя все вокруг любовью. Ника упала на колени и ощутила, как чудесно пахнет небесная трава:

– Милые мои, – протянула она руки к собакам: – Ко мне, ко мне!

Собаки не заставили ждать. Они принялись тыкаться дивно нежными носами в ладони, шею, лицо, облизывали руки и тянули за рукава и подол платья. Ника совсем повалилась в траву и, хохоча, исчезла в виляющей хвостами куче:

– Вот оно, глупое счастье!

Поскольку в вечности время не имело места, Ника не знала, как долго она предавалась этому безудержному счастью. Наконец успокоившись, она уселась удобнее; спину ей грел лохматый кавказский овчар, на коленях сопели мопс и кремовый чихуахуа, под локтем правой руки юлила рыжая такса, под левой – подставляла пузо шелти. На ступни навалились две пестренькие дворняжечки, по виду брат и сестра. Остальная орава расположилась поблизости и глазами, полными небесной нежности, созерцала новую жительницу Горнего Переделкино, а также Пастернака, который сидел, опираясь на мощную акита-ину и почесывая черного спаниеля.

– Нравится, Ника? – усмехнулся он.

– Я в сладостном безумии! Право, меня радует, что здесь я на целую вечность, я успею переласкать, причесать и поиграть со всеми собаками много-много раз!

– Это да. Вы так любите собак?

– Беспредельно! Жаль только, что *там* остались без меня два моих пса, они будут тосковать... У меня сейчас мелькнула ужасная мысль: пусть бы отец усыпил их, тогда они скорее попадут *сюда*, и все мы будем бесконечно счастливы! Скажите, я могу взять кого-нибудь из них к себе в... дачу?

– Конечно. Просто нареките собаку, дайте ей имя, и она будет вашей.

– А как здесь с собачьим кормом?

– Тут у всех – людей и животных – общее питание. Можно называть это амброзией, как греки, или сома, как индуисты. Оно нисходит и укрепляет, стоит лишь попросить об этом. Возможно, это благодать, ибо оно невещественно. Пирог, чай – это просто игра в нормальную жизнь, вы же понимаете.

– Да.

– Ну, выбирайте собаку, Ника, и идем осматривать дачу.

– Ага, я сейчас.

В той жизни Ника, хоть и любила своего Жама, мечтала об огромной собаке, надежной как танковая броня. Сейчас же, увидев белого маламута, она вскипела сердцем и сказала гордому псу:

– Идем со мной, Фараон!

– По-моему, это девочка, – присмотрелся Пастернак.

– Тогда – Клеопатра. Клео, ко мне!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.